S 36
D 617

ПЕРЕПЛЕТНО-ФУТЛЯРНАЯ
МАСТЕРСКАЯ
ТРУДОВОГО УБѢЖИЩА
ДЛЯ УВѢЧНЫХЪ ВОИНОВЪ
ТЕЛЕФ. N-120-14.

S 36
617

S 36/617

ЩЕЛКУНЧИКЪ

и

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ.

СКАЗКА

Эрн. Гофмана.

Переводъ съ нѣмецкаго.

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

ИЗДАНІЕ ЕРМОЛАЕВЫХЪ.
1899.

14

Дозв. ценз. Спб., 30 ноября 1898 г.

Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

Щелкунчикъ

и

мышиный король.

Рождественскій сочельникъ.

24 декабря дѣтей господина Штальбаума цѣлый день не пускали не только въ гостиную, но даже въ смежную съ ней комнату. Фрицъ и Марѝ сидѣли, прикурнувшись въ уголкѣ задней комнаты. Глубокія сумерки спустились. Дѣтямъ стало жутко, потому что, по заведенному обычаю, имъ не зажгли свѣта въ этотъ вечеръ. Прижавшись другъ къ другу, они таинственно шептались. Фрицъ открылъ на ушко своей младшей сестрѣ (ей только что минуло семь лѣтъ), что еще рано утромъ онъ слышалъ въ запертыхъ комнатахъ какой-то шумъ, шуршанье и легкій стукъ. Недавно онъ видѣлъ, какъ въ передней промелькнулъ маленькій, темный человѣкъ съ большимъ ящикомъ подъ мышкой. Онъ увѣренъ, что это былъ ихъ крёстный отецъ Дроссельмейеръ.

— Ахъ, воскликнула Мари, всплеснувъ отъ радости маленькими ручками — ахъ, какъ-бы я хотѣла знать, что подаритъ намъ крёстный Дроссельмейеръ!

Судья Дроссельмейеръ былъ очень некрасивый человѣкъ: маленькаго роста, худой, съ безчисленными морщинами на лицѣ, съ большимъ чернымъ пластыремъ на правомъ глазу. Волосъ на головѣ у него совсѣмъ не было; поэтому онъ носилъ превосходный бѣлый па-

рикъ. Парикъ этотъ, сдѣланный изъ стекла, представлялъ штучку мастерской работы.

Крёстный Дроссельмейеръ былъ вообще большой искусникъ. Онъ хорошо зналъ внутреннее устройство

часовъ и даже умѣлъ ихъ дѣлать. Поэтому, если случалось, что въ Штальбаумскомъ домѣ заболѣвали одни изъ красивыхъ часовъ и не могли больше пѣть, немедленно являлся крёстный Дроссельмейеръ. Снявши стеклянный парикъ и желтый кафтанъ, онъ подвязывалъ синій фартукъ и запускалъ во внутренность часовъ такіе острые инструменты, что маленькой Мари было за нихъ больно. Однако это не причиняло часамъ ни-

какого вреда; напротивъ того, они оживали и тотчасъ же, къ общей радости, начинали весело тикать, бить и играть. Приходя, судья всегда приносилъ въ карманѣ хорошенькую вещицу для дѣтей: то человѣчка, который поворачивалъ глаза и раскланивался самымъ уморительнымъ образомъ, то коробочку, изъ которой вы-

летала птичка, то что-нибудь еще. Къ Рождеству онъ приготовлялъ обыкновенно цѣлое произведеніе искусства, стоившее ему большого труда. Поэтому родители считали необходимымъ прятать подарки крёстнаго Дроссельмейера и сберегать ихъ самымъ тщательнымъ образомъ.

— Ахъ, какъ-бы я хотѣла знать, что подаритъ намъ крёстный Дроссельмейеръ! воскликнула Мари.

— На этотъ разъ, рѣшилъ Фрицъ,—онъ принесетъ крѣпость, въ которой будутъ маршировать блестящіе солдаты. Затѣмъ придутъ другіе солдаты и бросятся на крѣпость; тогда осажденные начнутъ храбро стрѣлять изъ пушекъ, такъ что подымется шумъ и трескъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила Мари Фрица, — крёстный Дроссельмейеръ разсказывалъ мнѣ о чудномъ садѣ. Въ немъ большое озеро. По озеру плаваютъ красивые лебеди въ золотыхъ ошейникахъ и поютъ дивныя пѣсни. Потомъ изъ глубины сада подходитъ къ озеру хорошенькая дѣвочка, манитъ къ себѣ лебедей и кормитъ ихъ вкусными конфетами.

— Лебеди не ѣдятъ конфетъ, возразилъ Фрицъ довольно рѣзко.—Кромѣ того, крёстный Дроссельмейеръ не можетъ сдѣлать цѣлаго сада. Впрочемъ, намъ мало проку отъ его игрушекъ: у насъ сейчасъ все отбираютъ. Поэтому я больше люблю подарки папы и мамы: они остаются у насъ въ рукахъ и мы можемъ дѣлать съ ними, что хотимъ.

Тутъ дѣти начали думать и гадать о томъ, что имъ подарятъ на этотъ разъ. Мари объявила, что Трутхенъ, ея большая кукла, очень измѣнилась и стала

такъ неловка, что каждую минуту падаетъ на полъ, а это оставляетъ непріятные слѣды у ней на лицѣ. Платье ея стало совсѣмъ грязное, просто ни на что не похоже. Самые строгіе выговоры не помогаютъ. Кромѣ того, Мари замѣтила, какъ мама улыбнулась, когда она любовалась маленькимъ зонтикомъ Маргариты. Фрицъ, съ своей стороны, увѣрялъ, что у него въ конюшнѣ очень недостаетъ гнѣдого коня, а въ войскахъ не хватаетъ кавалеріи. И то, и другое хорошо извѣстно папѣ.

И такъ дѣти прекрасно знали, что родители накупили для нихъ красивыхъ подарковъ и заняты въ эту минуту приготовленіями къ елкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они вѣрили, что Младенецъ Іисусъ смотритъ на все ласковыми, благочестивыми глазами и что поэтому рождественскіе подарки, осѣненные Его рукой, доставляютъ особенную радость. Объ этомъ напомнила имъ старшая сестра Луиза. Она прибавила, что Христосъ, посылая дѣтямъ подарки рукою родителей, лучше самихъ дѣтей знаетъ, что доставитъ имъ больше всего радости. Поэтому не слѣдуетъ желать, а лучше спокойно ждать, что имъ подарятъ. Маленькая Мари задумалась, а Фрицъ пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Мнѣ все-таки очень хочется получить гнѣдого коня, да гусаръ.

Стало совсѣмъ темно. Фрицъ и Мари, прижавшись другъ къ другу, не смѣли вымолвить слова. Имъ чудилось, что они слышатъ шелестъ мягкихъ крыльевъ и отдаленную чудную музыку. Яркая полоса свѣта блеснула на стѣнѣ. Дѣти знали, что это Младенецъ Іисусъ пролетѣлъ на блестящемъ облакѣ къ другимъ счастли-

вымъ дѣтямъ. Вдругъ раздался серебристый звонъ колокольчика. Двери отворились и изъ большой комнаты ворвался потокъ такого яркаго свѣта, что дѣти замерли, стоя на порогѣ, съ громкимъ возгласомъ: „ахъ, ахъ!“

Въ эту минуту папа и мама подошли къ двери, взяли ихъ за руки и сказали:

— Идите, идите, милыя дѣти, и посмотрите, что даритъ вамъ Христосъ.

Подарки.

Прошу васъ, милые читатели, вспомните, какъ вы сами радовались своей разукрашенной елкѣ, тогда вы легко представите себѣ, какъ дѣти сначала молча остановились съ блестящими глазами; какъ, наконецъ, Мари воскликнула, съ глубокимъ вздохомъ: ахъ, какъ хорошо, ахъ, какъ хорошо! а Фрицъ сдѣлалъ нѣсколько чрезвычайно удачныхъ прыжковъ. Должно быть дѣти особенно хорошо вели себя впродолженіи года, потому что еще никогда имъ не дарили столько хорошихъ вещей, какъ на этотъ разъ.

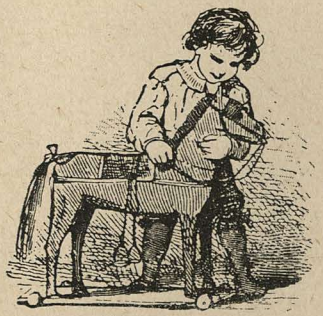
Большая ёлка посреди комнаты была украшена золотыми и серебряными яблоками. Точно бутоны и цвѣты красовались на ней пряники, разноцвѣтныя конфеты и другія сласти, а множество огоньковъ сверкали

какъ звѣзды въ темныхъ вѣтвяхъ. Чудное деревцо, казалось, улыбалось и протягивало дѣтямъ свои цвѣты и фрукты. Вокругъ него все блестѣло пестро и красиво; тутъ были прелестныя вещи! Ахъ, если бы кто-нибудь могъ описать все это!

Мари увидала прехорошенькихъ куколъ, все-возможную маленькую посуду и красивое шелковое платьице, изящно украшенное цвѣтными лентами. Оно висѣло на подставкѣ передъ глазами Мари, такъ что она могла разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ.

— Ахъ, воскликнула она любуясь имъ,—что за прелестное, что за милое, милое платьице! Мнѣ, конечно, позволятъ его надѣть!

Между тѣмъ Фрицъ три или четыре раза проска-



калъ вокругъ елки на новомъ гнѣдомъ конѣ, котораго дѣйствительно нашелъ привязаннымъ къ ножкѣ стола. Слѣзая, онъ объявилъ, что это бѣшенное животное, но что онъ съумѣетъ его укротить. И Фрицъ

началъ производить смотръ новому эскадрону гусаръ. На нихъ были красные съ золотомъ мундиры и сереб-

ряное оружіе. Ихъ бѣлыя лошади блестѣли точно сдѣланныя изъ чистаго серебра.

Дѣти только что затихли, разсматривая раскрытыя книги съ картинками, какъ вдругъ опять раздался звонокъ. Они знали, что сейчасъ получатъ подарокъ отъ крёстнаго Дроссельмейера и побѣжали къ столу, стоявшему у стѣны. Въ ту же минуту ширмы, которыя его закрывали, отодвинулись, какъ будто по командѣ. Ахъ, что за прелесть увидѣли дѣти!

На зеленомъ лугу, усыпанномъ пестрыми цвѣтами, стоялъ великолѣпный замокъ со множествомъ зеркальныхъ оконъ и золотыми башнями. Раздался звонъ колокольчиковъ; двери и окна растворились. Видно было, какъ по заламъ прогуливаются очень маленькіе, очаровательные кавалеры и дамы съ перьями на шляпахъ, въ платьяхъ съ длинными шлейфами. Средній залъ казался весь въ огнѣ, такъ ярко освѣщали его серебряныя люстры съ маленькими свѣчами. Въ немъ подъ звуки колокольчиковъ танцовали дѣти въ коротенькихъ курточкахъ и юбочкахъ. Господинъ въ зеле-

номъ плащѣ постоянно выглядывалъ изъ окна, кивалъ головою и снова исчезалъ.

Въ то-же время самъ крёстный Дроссельмейеръ, ростомъ съ папинъ большой палецъ, то выходилъ внизу изъ двери замка, то опять уходилъ.

Опершись руками о столъ, Фрицъ смотрѣлъ на чудный замокъ, на гуляющихъ и танцующихъ куколокъ и, наконецъ, сказалъ:

— Крёстный Дроссельмейеръ, пусти меня также въ свой замокъ.

Судья объяснилъ ему, что это невозможно и былъ конечно правъ: со стороны Фрица было довольно глупо желать войти въ замокъ, который вмѣстѣ съ золотыми башнями былъ ниже его самого. Фрицъ съ этимъ согласился. Между тѣмъ кавалеры и дамы все на одинъ и тотъ-же ладъ прогуливались взадъ и впередъ, дѣти танцовали, зеленый господинъ высовывался изъ одного и того-же окна, а крёстный Дроссельмейеръ выходилъ изъ своей двери. Съ минуту Фрицъ смотрѣлъ на это, но, наконецъ, воскликнулъ нетерпѣливо:

— Крёстный Дроссельмейеръ, ну-ка, поди выйди въ другую дверь, вонъ съ той стороны!

— Это невозможно милый Фрицъ, возразилъ судья.

— Ну, если такъ, продолжалъ Фрицъ, — пусть зеленый господинъ, который такъ часто высовывается, погуляетъ съ другими.

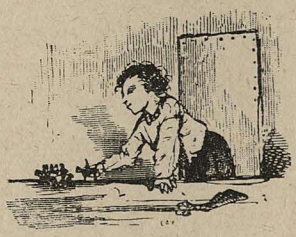
— Это тоже невозможно, снова возразилъ судья

— Ну, пусть дѣти сойдутъ внизъ, воскликнулъ Фрицъ,—я хочу разсмотрѣть ихъ поближе.

— Это все невозможно, съ досадой сказалъ судья,— какъ механизмъ устроенъ, такъ онъ и долженъ дѣйствовать.

— Та-акъ-то? сказалъ Фрицъ, протяжнымъ тономъ,— все это невозможно? Послушай, крёстный Дроссельмейеръ, если твои разряженныя фигурки въ замкѣ умѣютъ дѣлать только одно и то же, то онѣ никуда не годятся, и я въ нихъ не особенно нуждаюсь. Мнѣ больше нравятся мои гусары: они могутъ двигаться во всѣ стороны, куда я захочу и не сидятъ взаперти.

Съ этими словами онъ подскочилъ опять къ елкѣ и заставилъ свой эскадронъ на серебряныхъ лошадяхъ скакать впередъ и назадъ, поворачиваться, нападать и



стрѣлять сколько ему было угодно. Мари тоже потихоньку отошла, потому что и ей скоро надоѣло смотрѣть на гуляющихъ и танцующихъ куколокъ въ замкѣ, но, какъ милая и добрая дѣвочка, она не хотѣла выказать это, подобно Фрицу.

— Для неразумныхъ дѣтей не годится такое произведеніе искусства; я опять уложу мой замокъ, сказалъ судья съ нѣкоторой досадой.

Замѣтивъ это, мать подошла къ нему и попросила показать ей внутреннее устройство игрушки и всѣ искусно прилаженныя колесики, которыя приводили въ движеніе маленькихъ куколокъ.

Судья все разобралъ, а потомъ снова сложилъ; при этомъ онъ опять повеселѣлъ и подарилъ дѣтямъ еще нѣсколько коричневыхъ мужчинъ и женщинъ съ золотыми лицами, руками и ногами. Они были изъ корицы и пахли сладко, какъ пряники. Фрицъ и Мари имъ очень обрадовались. Сестра Луиза, по желанію матери, надѣла новое платье, которое ей подарили, и была въ немъ очень хорошенькая. Мари тоже хотѣли принарядить, но она сказала, что лучше полюбуется своимъ платьемъ, не надѣвая его. Это ей охотно позволили.

Любимецъ.

Дѣло было въ томъ, что Мари не хотѣлось отойти отъ ёлки, потому что она вдругъ увидѣла нѣчто, еще незамѣченное ею до сихъ поръ. Когда отодвинулись гусары Фрица, стоявшіе парадным строемъ у самаго дерева, за ними открылся очаровательный маленькій человѣчекъ. Онъ стоялъ тихо и скромно, какъ-бы спокойно ожидая, когда придетъ его очередь. Стройностью стана онъ не отличался. Верхняя, сильно развитая часть тѣла, не шла къ маленькимъ тоненькимъ ножкамъ, а го-

лова была несоразмѣрно велика. За то платье было такое нарядное и опрятное, что сейчасъ обличало въ немъ человѣка порядочнаго и со вкусомъ. На немъ была надѣта красивая, гусарская курточка лиловаго цвѣта, съ множествомъ бѣлыхъ шнурковъ и пуговокъ, точно такія-же

панталоны и самые щегольскіе сапожки, какіе когда-либо красовались на ногахъ франта-офицера. Сапожки эти такъ плотно обхватывали хорошенькія ножки, какъ будто были на нихъ нарисованы. При такомъ нарядномъ платьѣ онъ привѣсилъ себѣ сзади узкій, неповоротливый плащъ, который имѣлъ видъ деревянной дощечки, а на голову надѣлъ самую простую шапочку. Это показалось Мари смѣшнымъ. „Впрочемъ, подумала она, крёстный Дроссельмейеръ носитъ прескверную накидку и никуда негодную шляпу, что не мѣшаетъ ему быть очень милымъ крёстнымъ отцомъ“. Мари вывела даже такое заключеніе: если крёстный Дроссельмейеръ одѣнется такъ-же нарядно, какъ

этотъ крошка, онъ далеко не будетъ такъ красивъ. Вглядываясь все больше и больше въ наряднаго человѣчка, котораго она полюбила съ перваго взгляда, Мари вдругъ замѣтила, что его лицо выражало большую доброту. Его свѣтлозеленые глаза, хотя слишкомъ большіе и на выкатѣ, свѣтились лаской и добродушіемъ. Вьющаяся борода изъ бѣлой шерсти окаймляла подбородокъ и еще болѣе оттѣняла красный ротикъ съ ласковой улыбкой.

— Ахъ, милый папа, воскликнула, наконецъ, Мари,— кому принадлежитъ этотъ прелестный маленькій человѣчекъ, который стоитъ около дерева?

— Милое дитя, отвѣчалъ отецъ,—этотъ человѣчекъ будетъ прилежно работать на всѣхъ васъ; онъ долженъ ловко колоть вамъ самые крѣпкіе орѣхи и принадлежитъ Луизѣ такъ-же, какъ тебѣ и Фрицу.

Съ этими словами отецъ взялъ его осторожно со стола и поднялъ кверху деревянную дощечку. Человѣчекъ тотчасъ же широко разинулъ ротъ и показалъ два ряда острыхъ, бѣлыхъ зубовъ.

Мари, по совѣту отца, вложила ему въ ротъ орѣхъ и — кракъ — человѣчекъ разгрызъ его такъ, что скорлупа разлетѣлась, а ей въ руку упало сладкое ядро. Тогда Мари и всѣ остальные узнали, что нарядный маленькій человѣчекъ происходитъ изъ рода щелкунчиковъ и занимается ремесломъ своихъ предковъ. Мари смѣялась отъ радости, а отецъ сказалъ:

— Я вижу, милая Мари,— что тебѣ очень нравится Щелкунчикъ, поэтому я поручаю тебѣ заботиться о

немъ, хотя, какъ я уже сказалъ, Луиза и Фрицъ могутъ пользоваться имъ такъ-же, какъ и ты.

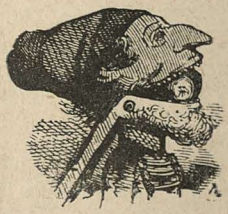
Мари тотчасъ же взяла Щелкунчика на руки и заставила его щелкать орѣхи. При этомъ она выбирала самые маленькіе орѣхи для того, чтобы человѣчку не приходилось слишкомъ сильно разѣвать ротъ, что ему, по правдѣ сказать, очень не шло. Луиза присоединилась къ ней, такъ что Щелкунчику пришлось оказывать услуги имъ обѣимъ. Онъ дѣлалъ это повидимому весьма охотно, не переставая дружески улыбаться.

Между тѣмъ Фрицъ, утомленный смотромъ и верховой ѣздой, услышалъ веселый трескъ орѣховъ и подскочилъ къ своимъ сестрамъ. Онъ отъ души расхохотался при видѣ маленькаго смѣшного человѣчка и тоже захотѣлъ покушать орѣховъ.

Щелкунчикъ началъ переходить изъ рукъ въ руки работая безъ отдыха. Фрицъ засовывалъ ему въ ротъ самые большіе, крѣпкіе орѣхи, какъ вдругъ раздалось: кракъ-кракъ—и у Щелкунчика выпали три зуба, а нижняя челюсть ослабла и расшаталась.

— Ахъ, мой бѣдный, милый Щелкунчикъ! громко закричала Мари и взяла его у Фрица изъ рукъ.

— Что за глупый болванъ, сказалъ Фрицъ,—хочетъ быть Щелкунчикомъ, а у самаго зубовъ порядочныхъ



нѣтъ; не знаетъ своего ремесла. Давай его сюда, Мари, онъ будетъ колоть мнѣ орѣхи, хотя бы всѣ зубы растерялъ вмѣстѣ съ подбородкомъ. На этого лѣнтяя нечего смотрѣть.

—Нѣтъ, нѣтъ, закричала Мари со слезами,—я не

дамъ тебѣ моего милаго Щелкунчика. Погляди, какъ онъ жалобно на меня смотритъ и показываетъ свой раненый ротикъ! Ты безсердечный человѣкъ, ты бьешь своихъ лошадей и даже разстрѣлялъ одного солдата.

— Такъ нужно. Ты этого не понимаешь, кричалъ Фрицъ.—Щелкунчикъ принадлежитъ мнѣ такъ же, какъ и тебѣ. Давай его сюда.

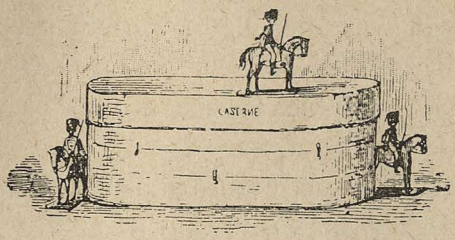
Мари начала громко плакать и поскорѣе завернула Щелкунчика въ носовой платокъ.

Въ эту минуту къ дѣтямъ подошли родители и крёстный Дроссельмейеръ. Этотъ послѣдній, къ великому огорченію Мари, сталъ на сторону Фрица.

Зато отецъ сказалъ:

— Я отдалъ Щелкунчика подъ покровительство Мари, въ которомъ онъ теперь особенно нуждается. Поэтому пусть онъ останется въ ея полномъ распоряженіи. Кромѣ того, меня вообще удивляетъ со стороны Фрица то, что онъ требуетъ дальнѣйшей службы отъ человѣка, пострадавшаго на службѣ. Какъ хорошій военный онъ долженъ знать, что раненыхъ въ строю не оставляютъ.

Фрицъ очень устыдился, оставилъ въ покоѣ и орѣхи, и Щелкунчика и пробрался по другую сторону стола, гдѣ расположились на ночлегъ его гусары. Мари



собрала потерянные зубы Щелкунчика, подвязала больной подбородокъ хорошенькой бѣлой ленточкой, которую сняла съ своего платья, и еще старательнѣе завернула бѣднаго крошку въ платокъ. Онъ смотрѣлъ такимъ блѣднымъ и испуганнымъ. Качая Щелкунчика на рукахъ, какъ малаго ребенка, Мари принялась разсматривать новую книжку съ красивыми картинками, которая лежала среди другихъ подарковъ.

Вдругъ крёстный Дроссельмейеръ громко расхохо-

тался и спросилъ, какъ она можетъ ласкать такого маленькаго урода.

Мари очень разсердилась на него, хотя это было противъ ея обыкновенія. Ей вдругъ снова вспомнилось то странное сравненіе съ Дроссельмейеромъ, которое пришло ей въ голову, когда она только что увидѣла маленькаго человѣчка и она сказала очень серьезно:

— Милый крёстный, если ты нарядишься такъ-же, какъ мой Щелкунчикъ и надѣнешь такіе-же блестящіе сапожки, не знаю будешь-ли ты такимъ же хорошенькимъ, какъ онъ.

Мари не поняла, почему родители громко расхохотались, а у судьи вдругъ сильно покраснѣлъ носъ и онъ пересталъ весело смѣяться. На это были, вѣроятно особыя причины.

Чудеса.

Въ домѣ Штальбаумовъ въ гостиной, сейчасъ налѣво отъ двери, стоялъ у стѣны высокій стеклянный шкапъ. Дѣти прятали въ него тѣ красивыя вещи, которыя имъ дарили каждый годъ. Луиза была совсѣмъ маленькой, когда отецъ заказалъ этотъ шкапъ одному

очень искусному столяру. Столяръ отдѣлалъ его такъ хорошо, что вещи, разставленныя за его прозрачными стеклами, казались еще болѣе блестящими и красивыми, чѣмъ когда ихъ держали въ рукахъ. На верхней полкѣ, недоступной для Мари и Фрица, стояли произведенія крёстнаго Дроссельмейера, сейчасъ подъ ними помѣщались книги съ картинками, а обѣ нижнія полки дѣти наполняли, чѣмъ хотѣли. Обыкновенно Мари устраивала помѣщеніе для своихъ куколъ на самой нижней полкѣ, а Фрицъ разставлялъ свои войска на постой на второй полкѣ.

Такъ было и сегодня. Покуда Фрицъ наверху разставлялъ своихъ гусаръ, Мари внизу отложила къ сторонкѣ Трутхенъ, усадила новую нарядную куклу въ хорошо меблированной комнатѣ и пригласила самое себя къ ней на угощеніе.

Я сказалъ, что комната была хорошо меблирована и это правда.

Не знаю, милыя мои читательницы, есть-ли у вашихъ куколъ маленькій диванъ съ цвѣточками, нѣсколько прелестныхъ стульевъ, хорошенькій чайный столикъ, а главное очень чистая, блестящая кроватка. Все это стояло въ углу шкапа, стѣны котораго въ этомъ мѣстѣ были оклеены пестрыми картинками. Можете себѣ представить, какъ эта комнатка понравилась новой куклѣ, которую звали Кларой, какъ узнала Мари въ этотъ вечеръ.

Было уже поздно, приблизительно полночь. Крёстный Дроссельмейеръ давно ушелъ, а дѣти все еще не могли

оторваться отъ стекляннаго шкапа, хотя мать не разъ напоминала имъ, что пора спать.

— Это правда, воскликнулъ, наконецъ, Фрицъ,— мои бѣдные молодцы (онъ говорилъ о гусарахъ) тоже хотятъ отдохнуть, а пока я здѣсь, ни одинъ не посмѣетъ сомкнуть глазъ. Ужъ это я знаю!

Онъ ушелъ, а Мари стала убѣдительно просить:

— Оставь меня здѣсь, милая мамочка, на одну минутку, на одну маленькую минутку. Мнѣ надо кое-что прибрать, а какъ только я это сдѣлаю—сейчасъ-же пойду спать.

Мать согласилась на просьбу своей тихой и разумной дѣвочки, но подумала что Мари, увлекшись игрушками, забудетъ потушить въ комнатѣ свѣчи, поэтому она сдѣлала это сама и оставила зажженной одну висячую лампу, которая спускалась съ потолка, разливая мягкій и пріятный свѣтъ.

— Приходи скорѣе, милая Мари, иначе ты завтра не встанешь во время, сказала она и ушла въ спальню.

Какъ только Мари осталась одна, она сейчасъ-же сдѣлала то, что лежало у ней на сердцѣ, но чего она, сама

не зная почему, не открыла своей матери. Больной

Щелкунчикъ все еще оставался у ней на рукахъ, завернутый въ платокъ. Теперь она бережно положила его на столъ, осторожно развернула платокъ и осмотрѣла его раны. Щелкунчикъ былъ очень блѣденъ, но улыбался такъ грустно и ласково, что тронулъ Мари до глубины души.

— Ахъ, Щелкунчикъ, сказала она очень тихо,—не сердись на брата Фрица за то, что онъ сдѣлалъ тебѣ больно. У него не было злого умысла. Фрицъ немного огрубѣлъ среди суровой солдатской жизни, но онъ добрый мальчикъ, могу тебя увѣрить. Я-же буду заботиться о тебѣ до тѣхъ поръ, пока ты опять не станешь здоровымъ и веселымъ. Твои зубки и челюсть починитъ крёстный Дроссельмейеръ; онъ умѣетъ это дѣлать.

Мари едва могла договорить, потому что, при имени крёстнаго Дрессельмейера, Щелкунчикъ отчаянно скривилъ ротъ, а изъ глазъ его сверкнула зеленая молнія. Мари было испугалась, но черезъ минуту маленькій человѣчекъ по прежнему смотрѣлъ на нее съ грустной улыбкой. Она успокоилась и подумала, что его лицо исказилъ на минуту отблескъ лампы, внезапно раздутой порывомъ сквозного вѣтра.

— Какая я глупая дѣвочка: всего пугаюсь и готова вѣрить, что деревянная куколка можетъ сдѣлать мнѣ гримасу. Но какъ мнѣ нравится Щелкунчикъ и нравится именно за то, что онъ такой смѣшной и такой добрый. Я буду о немъ заботиться, какъ могу.

Съ этими словами Мари взяла своего друга на

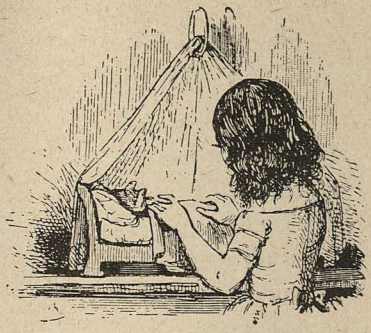
руки, подошла къ стеклянному шкапу, присѣла передъ нимъ и сказала новой куклѣ:

— Прошу тебя, милая Клара, уступи свою кроватку бѣдному, раненому Щелкунчику, а сама устройся какъ-нибудь на диванѣ. Подумай, какая ты здоровая и сильная, какія у тебя полныя розовыя щеки, и что не у всѣхъ, даже самыхъ красивыхъ куколъ, есть такіе мягкіе диваны.

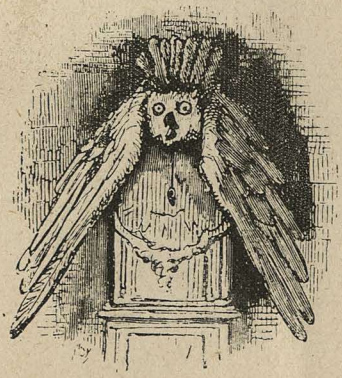
Въ своемъ блестящемъ праздничномъ нарядѣ Клара казалась очень важной и сердитой и даже слова не промолвилала въ отвѣтъ.

— Чего я, однако, стѣсняюсь, сказала Мари, взяла кроватку, осторожно уложила въ нее Щелкунчика, обвернула его раненыя плечики еще одной ленточкой, которую сняла съ пояса и укрыла его до самого носа.

„Его нельзя оставить рядомъ съ злой Кларой“, рѣшила она и поставила кроватку вмѣстѣ со Щелкунчикомъ



на верхнюю полку около хорошенькой деревни, гдѣ квартировали гусары Фрица. Она затворила шкапъ и хотѣла идти въ дѣтскую, какъ вдругъ, — слушайте дѣти—вдругъ послышался легкій, очень легкій шумъ. Какой-то шорохъ и шелестъ раздались со всѣхъ сторонъ, за печкой, подъ стульями и шкапами. Стѣнные часы загудѣли и гудѣли все громче и громче, точно



собирались, но не имѣли силы бить. Мари подняла голову.

Большая позолоченная сова, которая на нихъ сидѣла, опустила крылья такъ, что совсѣмъ закрыла ими часы и высунула впередъ свою безобразную кошачью голову съ кривымъ носомъ. Гудѣнье часовъ становилось сильнѣе и обратилось въ ясныя слова:

Охъ часы, часы, часы
Не будите тишины.
Чутки ушки
На макушкѣ
У мышинаго царя,
Но пришла ему бѣда.
Потихоньку
Полегоньку
Вы пробейте наконецъ
Что пришелъ его конецъ!“

И — бумъ, бумъ, бумъ, — раздалось хрипло и глухо двѣнадцать разъ. Мари сдѣлалось очень страшно и она

чуть было не убѣжала въ ужасѣ, когда увидѣла

крёстнаго Дроссельмейера, который сидѣлъ на часахъ вмѣсто совы, а желтыя полы своего кафтана спустилъ какъ крылья съ обѣихъ сторонъ. Однако, она осталась, но закричала громко почти со слезами:

— Крёстный Дроссельмейеръ, крёстный Дроссельмейеръ, что ты дѣлаешь тамъ наверху? сойди ко мнѣ и не пугай меня такъ, злой крёстный Дроссельмейеръ!

Въ эту минуту со всѣхъ сторонъ началось яростное хихиканье и свистъ, и скоро тысячи маленькихъ лапокъ затопали за стѣнами, а тысячи маленькихъ огоньковъ блеснули изъ щелей пола. Но это были не огоньки, нѣтъ, это были маленькіе сверкающіе глаза, и Мари замѣтила, что отовсюду выглядывали и вылѣзали мыши.

Скоро,—топъ-топъ, гопъ-гопъ,—раздалось по всей комнатѣ и стаи мышей, все болѣе и болѣе многочисленныя, поскакали во всѣ стороны и выстроились, наконецъ, рядами, какъ солдаты Фрица передъ битвой.

У Мари не было, какъ у многихъ дѣтей, врожден-

наго отвращенія къ мышамъ; поэтому все это показа-

лось ей очень смѣшнымъ и страхъ ея почти прошелъ, какъ вдругъ начался такой ужасный и рѣзкій свистъ, что дрожь пробѣжала у ней по спинѣ. Что-же она увидѣла? У самыхъ ея ногъ, точно выброшенные подземной силой, полетѣли кверху песокъ, известка и раздробленные камешки.

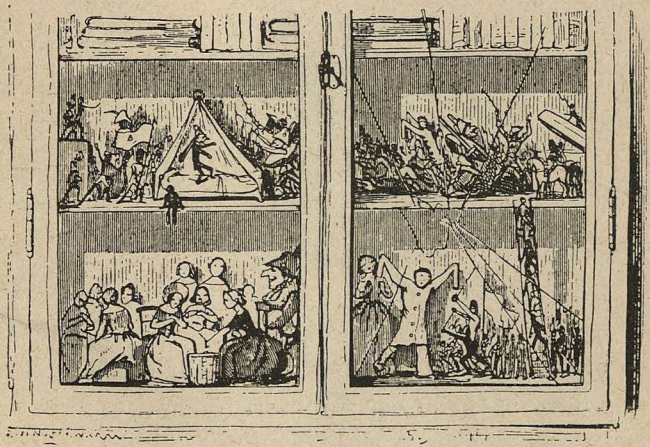
Вслѣдъ за ними съ ужаснымъ шипѣніемъ и свистомъ изъ подъ пола поднялись семь мышиныхъ головъ, въ блестящихъ коронахъ. Скоро вылѣзло все мышиное туловище, къ шеѣ котораго приросли семь головъ.

При видѣ большой мыши, украшенной коронами, все войско радостно взвизгнуло три раза и дружно двинулось впередъ. Топъ-топъ, гопъ-гопъ,—и мыши направились къ шкапу прямо на Мари, которая все еще стояла у стеклянной двери. Отъ волненія и ужаса сердце ея сильно стучало. Она боялась, что вотъ, вотъ, оно выпрыгнетъ изъ груди и она умретъ. Вдругъ ей показалось, что кровь остановилась у ней въ жилахъ. Почти безъ чувствъ покачнулась она назадъ. Тогда раздалось: клирръ-клирръ—прръ — и стекло шкапа, которое она придавила локтемъ, разлетѣлось вдребезги. Въ ту-же минуту Мари почувствовала рѣзкую боль въ лѣвой рукѣ, но за-то у нея отлегло отъ сердца, и она не слышала больше ни визга, ни свиста. Все мигомъ затихло. Мыши исчезли, и Мари подумала, что онѣ попрятались въ свои норы, испуганныя звономъ стекла. Но что это опять? Сзади Мари въ шкапу поднялся странный шумъ и тоненькіе голоса начали кричать:

„На бой, на бой,
Ночной порой!
На бой, на бой,
Идемъ толпой!“

При этомъ раздавался пріятный, серебристый звонъ колокольчиковъ.

— Ахъ, это мои маленькіе, игрушечные колокольчики, радостно воскликнула Мари и быстро отскочила въ сторону.



Она увидѣла, что въ шкапу, странно освѣщенномъ внутри, началась возня и суматоха. Многія куклы бѣгали, размахивая маленькимъ оружіемъ. Вдругъ поднялся Щелкунчикъ, сбросилъ съ себя одѣяло, прыгнулъ съ кровати обѣими ногами заразъ и громко закричалъ:

„Кракъ-кракъ-кракъ!
Глупый родъ
Чистый сбродъ!

Что за визгъ,
Что за пискъ!
Глупый родъ
Чистый сбродъ!
Кракъ-кракъ-кракъ"!

Онъ выхватилъ свой маленькій мечъ и, размахивая имъ по воздуху, снова закричалъ:

— Милые мои подданные, друзья и братья, хотите-ли постоять за меня въ жаркомъ бою?..

— О, государь, мы готовы служить тебѣ вѣрой и правдой; веди насъ въ бой на смерть или побѣду! закричали въ отвѣтъ три скомороха, одинъ паяцъ, четыре трубочиста, одинъ барабанщикъ и два трубача.

Они бросились вслѣдъ за отважнымъ Щекунчикомъ, который сдѣлалъ опасный прыжокъ внизъ съ верхней полки. Имъ хорошо было бросаться съ высоты. Ихъ предохраняли широкія платья изъ сукна и шелка, а внутри у нихъ, въ тѣлѣ ничего не было кромѣ ваты,

да опилокъ, поэтому они и шлепнулись точно подушки, а бѣдный Щелкунчикъ могъ переломать себѣ руки и ноги. Вѣдь отъ верхней полки, гдѣ онъ находился, до нижней былъ почти аршинъ разстоянія, а его тѣло было очень хрупкое, точно сдѣланное изъ липоваго дерева.

И такъ Щелкунчикъ навѣрное переломалъ-бы себѣ и руки, и ноги, если бы въ ту самую минуту, какъ онъ

прыгнулъ, Клара не вскочила съ дивана и не поймала героя, съ обнаженнымъ мечемъ, своими мягкими руками.

— Ахъ милая, добрая Кларочка, сказала Мари,— какъ я была къ тебѣ несправедлива! Ты, навѣрное, охотно уступила Щелкунчику свою кроватку.

Между тѣмъ Клара говорила, держа въ обьятіяхъ молодого героя:

— О, государь, неужели вы, больной и раненый, подвергнете себя опасностямъ войны? Посмотрите, какъ

рвутся въ битву ваши вѣрные подданные, увѣренные въ побѣдѣ. Скоморохи, паяцъ, трубочисты, барабанщикъ и трубачи уже внизу, а остальныя куклы на моей полкѣ пришли въ движеніе. О, государь, останьтесь здѣсь со мной и смотрите на вашу побѣду съ высоты моей шляпы съ перомъ...

Не смотря на слова Клары, Щелкунчикъ такъ вырывался и болталъ ногами, что она должна была поскорѣе поставить его на землю. Въ ту-же минуту онъ очень вѣжливо сталъ на одно колѣно и произнесъ:

— О, прекрасная дама, я буду вспоминать о вашей добротѣ и благосклонности ко мнѣ въ пылу борьбы и битвы.

Клара низко нагнулась, взяла его за ручку и осторожно подняла. Затѣмъ она быстро сняла свой поясъ, расшитый блестками и хотѣла надѣть его на крошку, но тотъ отступилъ на два шага назадъ, прижалъ руку къ сердцу и сказалъ торжественно:

— О нѣтъ, прекрасная дама, не расточайте вашу благосклонность, я...

Онъ не договорилъ, глубоко вздохнулъ, быстро сорвалъ съ плечъ ленточку, которой обвязала его Мари, прижалъ ее къ губамъ и перекинулъ какъ перевязь черезъ плечо. Затѣмъ, отважно взмахнувъ обнаженнымъ мечемъ, герой ловко и быстро, какъ птичка, перепрыгнулъ черезъ брусокъ шкапа и очутился на полу.

Вы замѣчаете, милые читатели, что Щелкунчикъ, даже раньше, чѣмъ онъ ожилъ совершенно, уже глубоко чувствовалъ доброту и любовь, которую выказывала

ему Мари. Онъ не хотѣлъ принять и носить блестящую, красивую ленту Клары именно потому, что полюбилъ Мари. Добрый и вѣрный Щелкунчикъ предпочелъ лучше украсить себя ея простой ленточкой.

Но что-то будетъ дальше?

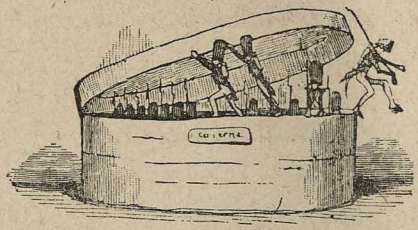
Въ ту минуту, какъ Щелкунчикъ спрыгнулъ на полъ, снова раздался пискъ и визгъ. Ахъ, подъ большимъ столомъ собрались зловѣщія стаи безчисленныхъ мышей, среди которыхъ выше всѣхъ выдавалась отвратительная мышь съ семью головами. Ахъ, что-то будетъ!

Битва.

— Бей наступленіе, мой вѣрный барабанщикъ! громко закричалъ Щелкунчикъ.

Барабанщикъ немедленно началъ выбивать дробь такъ искусно, что стекла шкапа задрожали и зазвенѣли. Между тѣмъ, внутри шкапа что-то трещало и хлопало. Мари видѣла, какъ съ силой открывались крышки коробочекъ, въ которыхъ квартировала армія Фрица. Изъ

нихъ выскакивали солдаты, прыгали на нижнюю полку и выстраивались тамъ блестящими полками. Щелкун-



чикъ бѣгалъ туда и сюда, воодушевляя войска словами.

— Гдѣ трубачи? ни одинъ изъ этихъ лѣнтяевъ не шевелится! кричалъ раздраженный Щелкунчикъ, а затѣмъ вдругъ обратился къ паяцу, который стоялъ нѣсколько блѣдный съ дрожащимъ длиннымъ подбородкомъ.

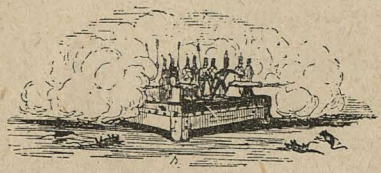
— Генералъ, сказалъ онъ торжественно, мнѣ извѣстны ваше мужество и ваша опытность; дѣло идетъ о мѣткости взгляда и быстротѣ дѣйствій. Я вручаю вамъ команду надъ всей кавалеріей и артиллеріей. Лошадь вамъ не нужна: у васъ длинныя ноги, вы на нихъ прекрасно скачете. Теперь, исполняйте вашъ долгъ!

Паяцъ немедленно прижалъ къ губамъ длинные сухіе пальчики и загоготалъ такъ громко, точно затрубили сотни маленькихъ, звонкихъ трубъ. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ раздались ржанье и топотъ, и изъ шкапа выступили кирасиры и драгуны Фрица, а впереди всѣхъ

новые гусары. Передъ Щелкунчикомъ стали проходить полки за полками, съ распущенными знаменами и звон-

кой музыкой. Они выстраивались широкими рядами на полу комнаты; мимо нихъ съ грохотомъ проскакали

впередъ пушки Фрица, окруженныя артиллеристами. Скоро раздалось—бумъ, бумъ, бумъ,—и Мари увидѣла, какъ сахарныя горошинки, ударяясь въ сплошныя



кучи мышей, осыпали ихъ точно бѣлой пудрой, чего онѣ очень стыдились. Еще бо̀льшій вредъ наносила

врагу тяжелая батарея, которую ввезли на маленькую мамину скамеечку. Бумъ, бумъ, бумъ—летѣли въ мышей одинъ за другимъ кедровые орѣшки, отъ которыхъ онѣ падали. Несмотря на это мыши надвигались все ближе и ближе и даже опрокинули нѣсколько пушекъ. Тутъ началась ужасная трескотня, и поле битвы скрылось изъ глазъ Мари за дымомъ и пылью. Ясно было только, что оба войска бились съ ожесточеніемъ, и побѣда долго колебалась то въ ту, то въ другую сторону.

Между тѣмъ стаи мышей увеличивались все больше и больше. Ихъ маленькія, серебряныя пули, которыми онѣ очень ловко стрѣляли, долетали до самого стекляннаго шкапа. Клара и Трутхенъ бѣгали взадъ и впередъ, въ отчаяніи ломая руки.

— Неужели я должна умереть во цвѣтѣ лѣтъ и красоты? я, прекраснѣйшая изъ куколъ!.. кричала Клара.

— Неужели я для того такъ хорошо сохранилась, чтобы погибнуть здѣсь въ четырехъ стѣнахъ! воскликцала Трутхенъ.

Потомъ онѣ бросились другъ другу въ объятія и зарыдали такъ громко, что ихъ было слышно, не смотря на отчаянный шумъ кругомъ.

Вы не можете представить себѣ, милые читатели, что теперь началось! Трръ-трръ, пифъ-пафъ, бимъ-бамъ бумъ—гремѣло со всѣхъ сторонъ. При этомъ пищали мыши, визжалъ мышиный король, то вдругъ слышался сильный голосъ Щелкунчика, который отдавалъ необходимыя приказанія и видно было его самого впереди

баталіоновъ, стоявшихъ въ огнѣ. Паяцъ сдѣлалъ нѣсколько блестящихъ атакъ съ кавалеріей и покрылъ себя славою. Зато гусарамъ Фрица пришлось плохо. Мышиная артиллерія осыпала ихъ отвратительными ядрами, которыя оставляли пятна на ихъ красныхъ курточкахъ. Поэтому они не хотѣли идти впередъ. Паяцъ скомандовалъ имъ налѣво кругомъ; увлекшись командой, онъ самъ сдѣлалъ то-же движеніе, а за нимъ повернули кирасиры и драгуны. Однимъ словомъ они всѣ сдѣлали налѣво кругомъ и ушли домой. Вслѣдствіи этого артиллерія, которая занимала мамину скамеечку, оказалась въ опасномъ положеніи. Дѣйствительно въ скоромъ времени на нее двинулась густая толпа отвра-

тительныхъ мышей и наступила съ такой силой, что опрокинула всю скамеечку вмѣстѣ съ пушками и артиллеристами.

Щелкунчикъ былъ пораженъ этой неудачей и приказалъ правому крылу начать отступленіе.

Вы знаете, милые читатели, что подобное движеніе равняется бѣгству и, конечно, сокрушаетесь вмѣстѣ со мной о томъ несчастіи, которое грозитъ обрушиться на войско маленькаго Щелкунчика, любимца Мари. Однако, отвратите ваши взоры отъ этой неудачи и посмотрите на лѣвое крыло арміи, гдѣ все обстоитъ благополучно и подаетъ полководцамъ большія надежды.

Во время самаго жаркаго сраженія изъ подъ комода неожиданно выступила мышиная кавалерія и съ

громкимъ, отвратительнымъ визгомъ яростно бросилась на лѣвое крыло арміи Щелкунчика. Но она встрѣтила здѣсь упорное сопротивленіе. На встрѣчу ей изъ шкапа выступилъ отрядъ пряничныхъ фигурокъ подъ начальствомъ двухъ китайскихъ императоровъ. Онъ двигался медленно, насколько позволяла неудобная мѣстность, потому что приходилось перейти черезъ брусокъ шкапа и выстроился въ карэ на полу. Это превосходное, но очень пестрое войско состояло изъ садовниковъ, тирольцевъ, тунгузовъ, парикмахеровъ, арлекиновъ, амуровъ, львовъ, тигровъ, мартышекъ и обезьянъ. Оно сражалось съ храбростью, твердостью и упорствомъ.

Съ чисто спартантскимъ мужествомъ этотъ избранный баталіонъ чуть было не вырвалъ побѣду у врага, какъ вдругъ смѣлый непріятельскій всадникъ съ безумной отвагой бросился впередъ и откусилъ голову одному изъ китайскихъ императоровъ. Этотъ послѣдній, падая, убилъ наповалъ двухъ тунгузовъ и одну мартышку. Непріятель ворвался сквозь прорванные ряды и скоро весь отрядъ былъ изгрызенъ.

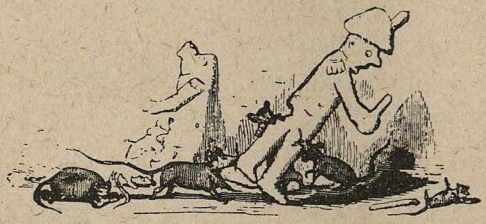
Однако это злодѣйство не прошло врагу даромъ: одинъ мышиный кавалеристъ съ такой жадностью грызъ храбраго противника, что подавился и умеръ въ одинъ мигъ. Увы, ничто не могло помочь арміи Щелкунчика! Разъ начавъ отступленіе, она не могла остановиться и отступала дальше, съ каждымъ шагомъ теряя все больше и больше людей.

Несчастный щелкунчикъ еще держался съ небольшимъ отрядомъ у самаго стекляннаго шкапа.

— Резервы впередъ! паяцъ, скоморохъ, барабанщикъ,

гдѣ вы? кричалъ Щелкунчикъ въ надеждѣ, что новыя войска выступятъ изъ шкапа.

Пришли дѣйствительно нѣсколько мужчинъ и женщинъ изъ корицы съ золотыми лицами и шлемами. Они сражались такъ неловко, что не попадали во врага и



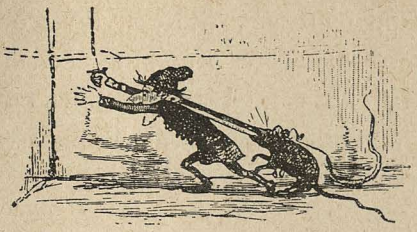
скоро самому Щелкунчику сбили шапочку съ головы. Непріятельскіе стрѣлки откусывали имъ ноги такъ, что они кувыркались и, падая, убили у Щелкунчика еще нѣсколько братьевъ по оружію.

Щелкунчикъ очутился въ безвыходномъ положеніи. Враги тѣснили его со всѣхъ сторонъ. Онъ хотѣлъ пе-

репрыгнуть черезъ брусокъ шкапа, но его ноги оказались слишкомъ коротки. Клара и Трутхенъ не могли ему помочь; онѣ лежали въ обморокѣ. Между тѣмъ драгуны и гусары весело прыгали мимо него. Тогда онъ закричалъ въ полномъ отчаяніи:

— Коня, коня, полъ царства за коня!

Въ эту минуту два непріятельскіе стрѣлка схватили его сзади за деревянную дощечку, а съ другой стороны



подскочилъ мышиный король, испуская радостный визгъ всѣми семью глотками.

Мари не могла больше удержаться.

— О, мой милый Щелкунчикъ, воскликнула она, рыдая, и, сама хорошенько не сознавая, что она дѣлаетъ, схватила свой лѣвый башмакъ и бросила его изо всѣхъ силъ въ самую густую стаю мышей, прямо въ ихъ короля.

Въ ту же минуту все вдругъ точно замерло, но Мари почувствовала въ лѣвой рукѣ такую острую боль, что безъ чувствъ упала на полъ.

Болѣзнь.

Когда Мари очнулась отъ глубокаго сна, она лежала въ своей кроваткѣ, а солнце весело и ярко освѣщало комнату сквозь покрытыя льдомъ окна. Около нея сидѣлъ посторонній человѣкъ; Мари узнала доктора Вендельштерна. Онъ тихо сказалъ:

— Она очнулась.

Тогда подошла мать и посмотрѣла на нее безпокойнымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Ахъ, милая мама, прошептала Мари,—ушли-ли, наконецъ, отвратительныя мыши, и спасенъ-ли добрый Щелкунчикъ?..

— Не говори такихъ глупостей, милая Мари, возразила мать,—мыши не касаются Щелкунчика. А ты, непослушная дѣвочка, сколько ты, всѣмъ надѣлала безпокойства и хлопотъ! Вотъ что выходитъ, когда дѣти своевольны и не слушаются родителей. Заигравшись вчера до поздней ночи со своими куклами, ты, вѣроятно, задремала и тебя испугала какая-нибудь пробѣжавшая мышка, хотя я не понимаю, откуда она взялась: у насъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ мышей. Ты ударилась локтемъ въ одно изъ стеколъ шкапа и сильно порѣзала себѣ руку. Докторъ Вендельштернъ, который только-что вынулъ осколки изъ раны, думаетъ, что ты могла порѣзать себѣ артерію и истечь кровью. Слава Богу, что я проснулась послѣ полуночи и, видя, что тебя нѣтъ, встала и пошла въ гостиную. Ты безъ чувствъ ле-

жала на полу около шкапа вся въ крови. Я сама чуть не упала въ обморокъ отъ страха. Ты лежала, а вокругъ тебя валялись разбросанныя куклы, оловянные солдатики Фрица и разломанныя фигурки изъ пряниковъ. Щелкунчикъ лежалъ на твоей окровавленной рукѣ, а недалеко отъ тебя валялся твой лѣвый башмакъ.

— Ахъ, мамочка, мамочка, перебила Мари,—это ты видѣла слѣды большой битвы между куклами и мышами, а я была такъ сильно испугана тѣмъ, что мыши хотѣли взять въ плѣнъ бѣднаго Щелкунчика, который командовалъ арміей куколъ. Тогда я бросила башмакъ въ мышей, а что произошло потомъ, и сама не знаю.

Докторъ Вендельштернъ сдѣлалъ матери знакъ глазами, и она очень ласково сказала Мари:

— Ну хорошо, моя дѣточка, успокойся, мыши всѣ ушли, а Щелкунчикъ стоитъ въ шкапу здоровый и веселый.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ отецъ. У Мари щупали пульсъ и что-то долго говорили о лихорадочномъ состояніи вслѣдствіе раны. Ей пришлось лежать въ постели и принимать лѣкарство, хотя она ничего особеннаго не чувствовала, кромѣ небольшой боли въ лѣвой рукѣ. Мари знала, что щелкунчикъ спасся изъ битвы невредимымъ. Иногда она вспоминала, какъ во снѣ, что слышала когда-то его грустный голосъ, который говорилъ: „Мари, дорогая, я многимъ вамъ обязанъ, но вы можете сдѣлать для меня еще больше“. Какъ Мари ни старалась, она не могла вспомнить, что бы это такое было. Больная рука мѣшала Мари играть, а когда она принималась читать, или перелистывать

книги съ картинками, у ней начинало рябить въ глазахъ, такъ что ей приходилось перестать. Поэтому время тянулось для нея очень медленно и она съ нетерпѣніемъ ждала, когда съ наступленіемъ вечера мать сядетъ у ея постельки, разскажетъ, или прочтетъ ей что-нибудь интересное. Однажды, когда мать только что кончила прекрасную исторію о принцѣ Факардинѣ, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ крёстный Дроссельмейеръ со словами:

— Дайте-ка я посмотрю какъ идутъ дѣлишки больной и раненой Мари!

Когда Мари увидѣла крёстнаго Дроссельмейера въ желтомъ кафтанѣ, передъ ней какъ живыя встали картины той ночи, когда Щелкунчикъ проигралъ мышамъ сраженіе, и она невольно воскликнула, обращаясь къ судьѣ:

— О, крёстный Дроссельмейеръ, какой ты былъ безобразный! Я прекрасно видѣла, какъ ты сидѣлъ на часахъ и закрывалъ ихъ своими крыльями для того, чтобы они не могли бить и распугать мышей. Я хорошо слышала, какъ ты ободрялъ мышинаго короля. Отчего ты не помогъ Щелкунчику, отчего ты не помогъ мнѣ? злой крёстный Дроссельмейеръ! Ты одинъ кругомъ виноватъ въ томъ, что я лежу въ постелѣ больная и раненая.

— Что съ тобой, милая Мари? съ испугомъ спросила мать.

Крёстный Дроссельмейеръ скорчилъ въ отвѣтъ удивительную гримасу и сказалъ трескучимъ, однообразнымъ голосомъ:

Часы, стучите—
Тикъ-такъ, тикъ-такъ.
И огласите
Полночный мракъ!
Грозя войною
Идетъ толпою
На куколъ врагъ.
Тикъ-такъ, тикъ-такъ'
Крылами вѣя,
Сова летитъ,
Бѣду почуя,
Король бѣжитъ!
Часы, стучите—
Тикъ-такъ, тикъ-такъ,
И огласите
Полночный мракъ!

Мари во всѣ глаза смотрѣла на крёстнаго Дроссельмейера. Онъ сдѣлался вдругъ какимъ-то страннымъ и еще болѣе безобразнымъ, чѣмъ прежде, а правой рукой махалъ взадъ и впередъ точно его кто-то дергалъ за проволоку, какъ маріонетку. Мари испугалась бы не на шутку своего крёстнаго, не будь съ ней ея мамы и Фрица, который потихоньку пробрался въ комнату и разразился громкимъ хохотомъ.

— Эй, крёстный Дроссельмейеръ, кричалъ онъ,— какъ ты сегодня смѣшонъ. Ты качаешься точно мой ванька-встань-ка, котораго я давно бросилъ въ печку!

— Это очень странная шутка, милый судья, серьезно сказала мать;—что вы собственно хотите сказать?.

— Ахъ, Боже мой, возразилъ смѣясь Дроссельмейеръ,—развѣ вы не узнаете мою любимую пѣсенку

часовщика? я всегда пою ее такимъ больнымъ, какъ Мари.

Затѣмъ онъ быстро сѣлъ около кроватки Мари говоря:

— Не сердись за то, что я не вырвалъ мышиному королю всѣхъ его четырнадцати глазъ. Это было невозможно. Зато я сдѣлалъ тебѣ большое удовольствіе.

Съ этими словами судья полѣзъ въ карманъ и что-то вынулъ оттуда самымъ бережнымъ образомъ. Это былъ Щелкунчикъ, которому онъ очень ловко вставилъ потерянные зубы и поправилъ расшатавшуюся челюсть.

— Мари громко засмѣялась отъ радости, а мать сказала улыбаясь:

— Теперь ты видишь, что крестный Дроссельмейеръ желаетъ Щелкунчику добра.

— Признайся, однако, Мари, перебилъ крестный Дроссельмейеръ, — что Щелкунчикъ не особенно хорошо сложенъ и что его лицо никакъ нельзя назвать красивымъ. Если ты захочешь слушать, я разскажу тебѣ откуда такое уродство появилось въ его семьѣ и сдѣлалось наслѣдственнымъ. Впрочемъ, ты, можетъ быть, уже знаешь исторію принцессы Пирлипатъ, Мыши-Грызуньи и часовщика искусника?

— Послушай-ка, крестный Дроссельмейеръ, неожиданно перебилъ Фрицъ, — ты хорошо вставилъ Щелкунчику зубы, и челюсть не такъ шатается, какъ прежде, но почему у него нѣтъ меча, зачѣмъ ты не привѣсилъ ему меча?

— Ну, сказалъ судья недовольнымъ голосомъ, — тебѣ бы только порицать да хулить! Что мнѣ за дѣло

до меча Щелкунчика? Я вылѣчилъ его тѣло, а мечъ пусть онъ достаетъ себѣ самъ, гдѣ знаетъ.

— Это правда, воскликнулъ Фрицъ, — коли онъ бравый молодецъ, то съумѣетъ найти себѣ оружіе.

— И такъ, Мари, продолжалъ судья,—скажи мнѣ, знаешь-ли ты исторію принцессы Пирлипатъ?

— Ахъ нѣтъ, отвѣчала Мари, — разскажи, милый крестный, пожалуйста, разскажи!

— Я надѣюсь, милый Дроссельмейеръ, сказала мать,— что эта исторія не будетъ такой страшной, какъ вообще всѣ ваши разсказы?

— Ни въ какомъ случаѣ, дорогая кума, возразилъ Дроссельмейеръ,—напротивъ, то, что я буду имѣть честь разсказать, очень забавно.

— Разскажи, о разскажи, милый крестный! закричали дѣти, и судья началъ свой разсказъ.

Сказка о твердомъ орѣхѣ.

Мать Пирлипатъ была женой короля, слѣдовательно королевой, а сама Пирлипатъ въ ту минуту, какъ родилась, оказалась прирожденной принцессой. Король былъ внѣ себя отъ радости при видѣ прелестной дочки, ко-

торая лежала въ колыбели. Онъ громко ликовалъ и постоянно восклицалъ:

— Ура! есть-ли что-нибудь на свѣтѣ краше моей Пирлипаточки!

Всѣ министры, генералы и свита громко кричали:

— Нѣтъ ничего!

Да и въ самомъ дѣлѣ нельзя было отрицать, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ, не рождалось ребенка прекраснѣе принцессы Пирлипатъ. Ея личико каза-

лось сотканнымъ изъ шелковыхъ волоконъ бѣлыхъ, какъ лилія и розовыхь, какъ роза, живые глазки сверкали точно лазурь, а блестящія, золотыя нити волосъ завивались въ красивые локоны. При этомъ Пирлипатъ явилась на свѣтъ съ двумя рядами маленькихъ жемчужныхъ зубковъ. Два часа спустя послѣ своего рожденья она укусила ими за палецъ государственнаго канцлера, когда онъ хотѣлъ разсмотрѣть поближе ея черты, и укусила такъ больно, что онъ громко закричалъ „ишь ты"! Другіе увѣряютъ, что онъ воскликнулъ только „ай, ай, ай!" Голоса до сихъ поръ раздѣляются на этотъ счетъ.

Словомъ Пирлипаточка дѣйствительно укусила за палецъ государственнаго канцлера, и восхищенная страна узнала, что маленькая Пирлипатъ, прекрасная какъ ангелъ, преисполнена ума и характера.

И такъ, всѣ были довольны, только одна королева казалась встревоженной, но чѣмъ—никто не зналъ. Особенно дивились всѣ той заботливости, съ которой, по ея приказанію, охраняли колыбель Пирлипатъ. У дверей стояли тѣлохранители; при принцессѣ неотлучно находились двѣ нянюшки, а кромѣ нихъ еще шесть другихъ каждую ночь сидѣли вокругъ колыбели. Но вотъ что было особенно смѣшно и совершенно непонятно: каждая изъ этихъ нянюшекъ должна была держать на колѣняхъ кота и гладить его всю ночь для того, чтобы онъ не переставая мурлыкалъ. Вамъ ни за что не догадаться, милыя дѣти, зачѣмъ мать Пирлипаточки все это устроила, а я знаю и сейчасъ вамъ разскажу.

Однажды случилось, что при дворѣ отца Пирли-

патъ собралось много славныхъ королей и самыхъ милыхъ принцевъ. Начались блестящія празднества: турниры, спектакли, придворные балы.

Король хотѣлъ всѣмъ показать, что у него нѣтъ недостатка въ золотѣ и серебрѣ, поэтому онъ рѣшилъ устроить на этотъ разъ что-нибудь великолѣпное. Кстати онъ узналъ по секрету отъ своего оберъ-кухмистера, что настало благопріятное время колоть свиней, о чемъ возвѣстилъ придворный астрономъ. Король приказалъ устроить роскошный колбасный пиръ, а самъ бросился въ карету и лично пригласилъ королей и принцевъ. Онъ пригласилъ ихъ только на одну ложечку супа для того, чтобы больше насладиться ихъ изумленіемъ при видѣ неожиданнаго великолѣпія. Потомъ онъ очень ласково сказалъ королевѣ:

— Ты знаешь, милочка, какъ я люблю колбасы!

Королева тотчасъ поняла въ чемъ дѣло: ему хотѣлось, чтобы она сама, какъ бывало не разъ, приняла на себя полезный трудъ приготовленія колбасъ. Главный казначей немедленно отпустилъ на кухню большой золотой котелъ для варки колбасъ и серебряныя кострюли. Развели большой огонь изъ дровъ сандальнаго дерева; королева подвязала бѣлый камчатный передникъ, и скоро клубы ароматнаго пара поднялись изъ котла. Пріятный запахъ проникъ даже въ залу, гдѣ засѣдалъ Государственный совѣтъ.

Король, охваченный тайнымъ восторгомъ, не могъ удержаться.

— Прошу извиненія, господа! воскликнулъ онъ, бро-

сился въ кухню, обнялъ королеву и, успокоившись, вернулся въ засѣданіе.

Наконецъ, настала важная минута: нужно было разрѣзать сало на кусочки и поджарить его на серебряныхъ рѣшеткахъ. Придворныя дамы удалились, потому что королева хотѣла единолично выполнить это важное дѣло изъ чувства преданности и уваженія къ своему августѣйшему супругу. Сало начало уже поджариваться, какъ вдругъ раздался тонкій, пискливый голосокъ:

— Дай мнѣ сальца, сестрица! И я хочу попировать, я тоже королева, дай мнѣ сальца!

Королева знала, что это былъ голосъ Мыши-Грызуньи. Мышь-Грызунья жила въ королевскомъ дворцѣ уже много лѣтъ. Она считала себя въ родствѣ съ королевской фамиліей и утверждала, что сама царствуетъ въ мышиномъ королевствѣ. Поэтому она жила подъ плитой, окруженная большимъ дворомъ.

Хотя королева не признавала Мыши-Грызуньи ни королевой, ни своей сестрой, но, какъ добрая и щедрая

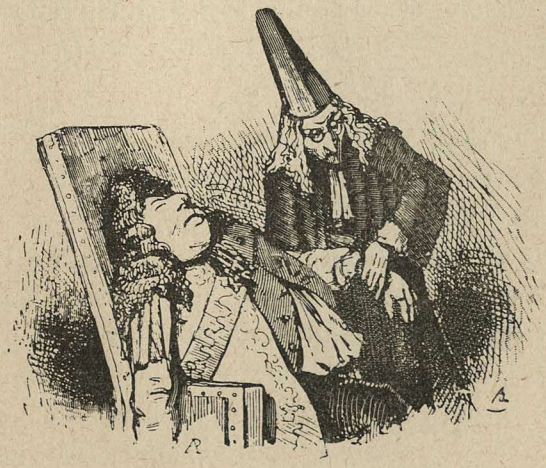
женщина, она охотно позволила ей полакомиться въ этотъ торжественный день и сказала:

— Выходи, выходи, кума Грызунья, и покушай моего сала.

Тогда Мышка-Грызунья выскочила очень быстро и весело и въ одинъ мигъ очутилась на краю плиты. Королева протягивала ей кусочки сала, а она хватала ихъ одинъ за другимъ своими маленькими хорошенькими лапками. Вдругъ, откуда ни возмись, выскочили всѣ кумовья и кумушки Мыши-Грызуньи и вмѣстѣ съ ними ея семь сыновей, всѣ отчаянные сорванцы. Они набросились на сало, а королева съ испугу не могла имъ помѣшать. Къ счастію пришла оберъ-гофмейстерина и прогнала назойливыхъ гостей, послѣ которыхъ остался

небольшой кусокъ сала. Тогда призвали придворнаго математика и по его указаніямъ очень искусно раздѣлили остатокъ сала на всѣ колбасы. Трубы и литавры зазвучали. Всѣ находившіеся въ столицѣ властелины и

принцы отправились на колбасный пиръ. Они ѣхали разодѣтые въ блестящія, праздничныя платья, одни на бѣлыхъ иноходцахъ, другіе въ хрустальныхъ каретахъ. Король принялъ ихъ съ сердечнымъ привѣтомъ, а затѣмъ въ коронѣ и со скипетромъ сѣлъ во главѣ стола. Когда подали колбасы изъ печенки, всѣ видѣли, какъ король блѣднѣлъ все болѣе и болѣе; онъ воздѣлъ глаза къ небу, и тихіе стоны вырвались изъ его устъ. Сильная скорбь, казалось, бушевала въ его груди. Когда-же дошла очередь до кровяныхъ колбасъ, онъ откинулся на спинку кресла, громко всхлипывая и охая, потомъ закрылъ лицо руками и застоналъ. Всѣ вскочили изъ за стола. Лейбъ-



медикъ напрасно старался найти пульсъ несчастнаго монарха; его терзало глубокое, невыразимое горе.

Короля долго тщетно старались успокоить. Наконецъ, пришлось прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ,

какъ напримѣръ къ жженымъ перьямъ и многимъ другимъ. Только тогда онъ мало-по-малу пришелъ въ себя и чуть слышно пробормоталъ:

— Слишкомъ мало сала!

Тогда королева въ отчаяніи бросилась къ его ногамъ и воскликнула, рыдая:

— О, мой бѣдный, несчастный царственный супругъ! О, какъ вы страдаете, но, взгляните, виновная здѣсь у вашихъ ногъ! Карайте, карайте ее строго. Ахъ, Мышь-Грызунья со своими семью сыновьями, съ кумовьями и кумушками съѣла все сало и...

Съ этими словами королева безъ чувствъ упала навзничь. Король вскочилъ, объятый гнѣвомъ, и громко воскликнулъ:

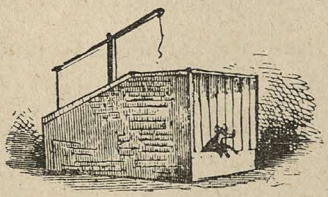
— Оберъ-гофмейстерина, что это значитъ?

Оберъ-гофмейстерина разсказала, что знала, а король рѣшилъ отомстить Мыши-Грызуньѣ и всѣму ея роду за то, что они съѣли у него сало, столь необходимое для колбасъ. Немедленно былъ созванъ государственный совѣтъ, на которомъ постановили возбудить процессъ противъ Мыши-Грызуньи и отобрать въ казну всѣ ея владѣнія. Опасаясь, что тѣмъ временемъ она будетъ продолжать ѣсть у него сало, король немедленно передалъ все это дѣло придворному часовщику-механику.

Этого человѣка звали, такъ же, какъ и меня, Христіаномъ Дроссельмейеромъ. Онъ обѣщалъ посредствомъ одной мудрой политической мѣры изгнать Мышь-Грызунью и весь ея родъ изъ дворца на вѣчныя времена.

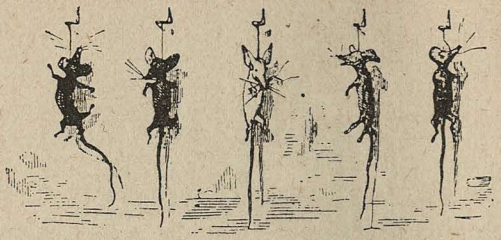
Онъ дѣйствительно изобрѣлъ и очень искусно сдѣ-

лалъ маленькія машинки, въ которыя подвѣшивались на ниточкѣ кусочки поджареннаго сала. Дроссельмейеръ



разставилъ эти машинки вокругъ жилища любительницы сала. Мышь-Грызунья была слишкомъ умна, чтобы не понять хитрости Дроссельмейера; она не разъ предостерегала объ опасности весь свой народъ, но всѣ ея убѣжденія ни къ чему не повели: вкусный запахъ поджареннаго сала заманилъ въ машинки Дросельмейера семерыхъ сыновей Мыши-Грызуньи и очень многихъ изъ ея кумовьевъ и кумушекъ. Всѣ они были неожиданно пойманы спустившейся рѣ-

шеткой въ ту минуту, когда собирались полакомиться саломъ, и тутъ-же въ кухнѣ позорно казнены. Мышь-



Грызунья покинула мѣсто страшныхъ событій съ остатками своего народа. Горе, отчаяніе, жажда мести напол-

няли ея грудь. Дворъ ликовалъ, только королева была встревожена, такъ какъ она знала характеръ Мыши-Грызуньи и понимала, что она не оставитъ неотомщенной смерть своихъ сыновей и родственниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, однажды, когда королева приготовляла для своего августѣйшаго супруга его любимое кушанье изъ печенки, Мышь-Грызунья явилась и сказала:

— Мои сыновья, мои кумовья и кумушки убиты. Берегись, королева, какъ-бы мышиная королева не пере-

грызла пополамъ твою принцессу. Берегись!

Съ этими словами она исчезла и больше не показывалась, а королева съ испугу уронила печенку въ огонь. Такимъ образомъ Мышь-Грызунья во второй разъ испортила королю его любимое блюдо, на что онъ очень разсердился.

Однако, довольно на сегодняшній вечеръ; остальное послѣ.

Во время этого разсказа Мари приходили въ голову довольно странныя мысли. Сколько она ни просила крёстнаго Дроссельмейера разсказывать дальше, онъ не согласился и всталъ съ мѣста, говоря:

— Хорошенькаго понемножку; остальное завтра.

Судья выходилъ уже въ дверь, когда Фрицъ спросилъ:

— Скажи-ка, крёстный Дроссельмейеръ, правда-ли что ты изобрѣлъ мышеловки?

— Какъ можно спрашивать такія глупости, воскликнула мать.

Но судья странно улыбнулся и тихо сказалъ:

— Развѣ я не искусный часовщикъ, и развѣ мышеловки не были когда нибудь изобрѣтены?

Продолженіе сказки о твердомъ орѣхѣ.

— Теперь вы знаете, дѣти, продолжалъ судья Дроссельмейеръ на слѣдующій вечеръ,—почему королева такъ старательно оберегала прекрасную принцессу Пирлипатъ. Она боялась, что Мышь-Грызунья исполнитъ

свою угрозу, вернется и укуситъ принцессу до смерти.

Машинки Дроссельмейера совсѣмъ не помогали противъ умной и хитрой мыши. Придворный астрономъ—онъ былъ въ то-же время главный предсказатель и астрологъ—увѣрялъ, что только родъ Кота-Мурлыки могъ не подпустить Мышь-Грызунью къ колыбели. Члены этой семьи занимали при дворѣ должности совѣтниковъ при посольствѣ. Немедленно распорядились, чтобы всѣ нянюшки держали на колѣняхъ по одному изъ нихъ, облегчая имъ бремя государственной службы посредствомъ легкаго щекотанья.

Однажды, въ полночь одна изъ двухъ главныхъ нянюшекъ, которыя сидѣли у самой колыбели, вдругъ очнулась отъ глубокаго забытья. Все кругомъ лежало объятое крѣпкимъ сномъ. Мурлыканье умолкло; среди мертвой тишины слышно было, какъ червячекъ точилъ дерево. Но что сталось съ главной нянюшкой, когда она прямо передъ собой увидѣла большую, ужасную мышь, которая стояла на заднихъ лапкахъ, а свою отвра-

тительную голову уткнула въ лицо принцессы. Ня-

нюшка вскочила съ крикомъ ужаса; все пробудилось; въ то-же мгновенье Мышь-Грызунья (это была, разумѣется, она) убѣжала въ уголъ комнаты. Совѣтники бросились вслѣдъ за ней, но, увы, слишкомъ поздно. Она

ушла въ щель подъ полъ и исчезла. Пирлипатъ проснулась отъ шума и жалобно заплакала.

— Слава Богу, воскликнули нянюшки, она жива.

Но каковъ былъ ихъ ужасъ, когда онѣ, взглянувши на Пирлипатъ, замѣтили, что сталось съ прекраснымъ, нѣжнымъ ребенкомъ. Вмѣсто ангельской головки съ румянымъ личикомъ и золотыми кудрями въ колыбели виднѣлась безобразная толстая голова, сидѣвшая на

жалкомъ скорченномъ тѣлѣ. Лазурные глазки превра-

тились въ зеленые, остановившіеся глаза на выкатѣ, а ротъ растянулся до ушей. Королева изнывала отъ слезъ и горя, а кабинетъ короля пришлось обить мягкими тюфяками, потому что онъ постоянно бился головой объ стѣны, восклицая жалобнымъ голосомъ: „О, я несчастный монархъ“!

Августѣйшій родитель Пирлипатъ, обвинилъ въ этомъ несчастіи часовщика и механика Христіана Дроссельмейра изъ Нюренберга. Поэтому онъ издалъ мудрый указъ: „Дроссельмейеръ обязуется впродолженіи четырехъ недѣль вернуть принцессѣ ея прежній образъ или указать вѣрное средство къ тому, какъ это сдѣлать. Въ противномъ случаѣ онъ будетъ преданъ позорной казни отъ руки палача“.

Дроссельмейеръ порядкомъ испугался, однако, полагаясь на свое искусство и счастіе, немедля приступилъ къ операціи, которая показалась ему полезной. Онъ очень ловко разобралъ принцессу на части, отвинтилъ у нея ножки и ручки и осмотрѣлъ внутреннее

устройство. Къ несчастію онъ открылъ только, что съ

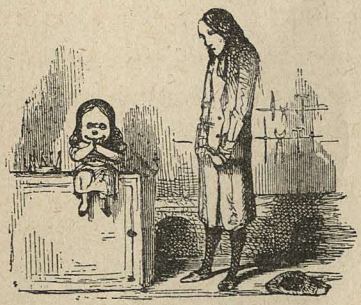
возрастомъ принцесса сдѣлается еще безобразнѣе. Не зная, что придумать, чѣмъ горю пособить, онъ осторожно вновь сложилъ принцессу и погрузился въ глубокую печаль, сидя у ея колыбели, отъ которой не смѣлъ отойти.

Пошла четвертая недѣля, наступила уже среда, какъ вдругъ король заглянулъ въ комнату, окинулъ бѣднаго механика гнѣвнымъ взоромъ и, грозя скипетромъ, воскликнулъ:

— Христіанъ Дроссельмейеръ, вылечи принцессу, или ты умрешь!

Дроссельмейеръ началъ горько плакать.

Тѣмъ временемъ принцесса Пирлипатъ весело щелкала орѣшки. Тутъ нашему механику въ первый разъ



бросилась въ глаза необыкновенная страсть Пирлипатъ къ орѣхамъ и припомнилось, что она явилась на свѣтъ съ зубами.

Да и въ самомъ дѣлѣ, послѣ своего превращенія принцесса кричала до тѣхъ поръ, пока ей случайно не попался орѣхъ. Она его немедленно разгрызла, съѣла

сладкое ядрышко и успокоилась. Съ тѣхъ поръ нянюшки постоянно приносили ей орѣхи.

— О, святой инстинктъ природы; вѣчное, непостижимое, взаимное влеченіе существъ! воскликнулъ Христіанъ Дроссельмейеръ,—ты указываешь мнѣ дверь къ этой тайнѣ. Я постучусь въ нее и она откроется.

Онъ тотчасъ-же попросилъ позволенія переговорить съ придворнымъ астрономомъ и былъ отведенъ къ нему подъ строгимъ карауломъ. Оба друга, они были связаны нѣжной дружбой, обнялись, заливаясь слезами, а затѣмъ удалились въ секретную комнату. Тамъ они раскрыли множество книгъ, въ которыхъ говорилось объ инстинктѣ, о симпатіи и антипатіи и о многихъ другихъ таинственныхъ вещахъ.

Настала ночь. Придворный астрономъ сталъ наблюдать за звѣздами и вывелъ гороскопъ принцессы съ помощью Дроссельмейера, который тоже былъ очень искусенъ въ подобнаго рода вещахъ. Это былъ боль-

шой трудъ, потому что линіи путались все больше и

больше. Наконецъ, о радость! они увидѣли ясно, какъ на ладони, что принцессѣ достаточно проглотить сладкое ядро орѣха Кракатукъ, чтобы освободиться отъ колдовства, и сдѣлаться опять такой-же прекрасной какъ прежде.

Вотъ что сказали звѣзды: у орѣха Кракатукъ такая твердая скорлупа, что по нему можетъ проѣхать самая тяжелая пушка, не расколовши его. Нужно, чтобы этотъ твердый орѣхъ былъ разгрызенъ въ присутствіи принцессы такимъ молодымъ человѣкомъ, который еще никогда не брился и не носилъ башмаковъ. Онъ долженъ затѣмъ передать ядро принцессѣ, закрыть глаза, отступить, не спотыкаясь, на семь шаговъ назадъ и только тогда открыть глаза.

Дроссельмейеръ и астрономъ проработали безъ устали три дня и три ночи.

Наступила суббота. Король какъ разъ сидѣлъ за обѣдомъ, какъ вдругъ вбѣжалъ Дроссельмейеръ, казнь

котораго была назначена на слѣдующее утро. Внѣ себя отъ радости и восторга онъ возвѣстилъ, что открыто, наконецъ, средство вернуть принцессѣ Пирлипатъ утра-

ченную красоту. Король обнялъ Дроссельмейера въ порывѣ благосклонности и обѣщалъ ему въ награду

брилліантовую шпагу, четыре ордена и два праздничныхъ кафтана.

— Сейчасъ послѣ обѣда, прибавилъ онъ ласково, приступимъ къ дѣлу. Позаботьтесь, дорогой механикъ, чтобы молодой, небритый человѣкъ съ орѣхомъ Кракатукъ былъ наготовѣ. Да не давайте ему вина, чтобы онъ не спотыкнулся, когда начнетъ пятиться назадъ, какъ ракъ. Онъ можетъ послѣ вдоволь напиться.

Дроссельмейеръ былъ пораженъ этой рѣчью короля. Дрожа и робѣя, онъ съ трудомъ пробормоталъ, что хотя средство и открыто, но и то, и другое, и орѣхъ Кракатукъ и молодого человѣка, который долженъ его разгрызть, еще надо искать. При этомъ остается сомнительнымъ, будутъ-ли когда-нибудь найдены и орѣхъ, и Щелкунчикъ.

Король страшно разгнѣвался. Потрясая скипетромъ надъ своей головой, увѣнчанной короной, онъ закричалъ громовымъ голосомъ:

— Казнить его!

Къ счастію для попавшаго въ бѣду Дроссельмейера король въ этотъ день остался доволенъ всѣми кушаньями, поэтому онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, а слѣдовательно склоненъ выслушивать благоразумныя увѣщанія. Этимъ воспользовалась великодушная королева и заступилась за Дроссельмейера, судьба котораго ее тронула.

Дроссельмейеръ ободрился и рѣшился, наконецъ, доложить, что онъ въ сущности исполнилъ возложенное на него порученіе, указавъ средство къ излеченію принцессы, и тѣмъ пріобрѣлъ право на жизнь.

Король назвалъ его слова глупой болтавней и пустозвонствомъ; однако рѣшилъ, что оба друга, часовщикъ и астрономъ, должны немедленно собраться въ путь-дорогу и не возвращаться иначе, какъ съ орѣхомъ Кракатукъ въ карманѣ. Человѣка, который долженъ былъ разгрызть орѣхъ, рѣшили искать, по совѣту королевы, посредствомъ многочисленныхъ объявленій въ мѣстныхъ и иностранныхъ газетахъ.

Тутъ судья остановился и обѣщалъ разсказать остальное на слѣдующій вечеръ.

Окончаніе сказки о твердомъ орѣхѣ.

На слѣдующій вечеръ, какъ только зажгли свѣчи, опять явился крестный Дроссельмейеръ и продолжалъ разсказъ.

Придворный астрономъ и Дроссельмейеръ странствовали уже 15 лѣтъ, но не напали на слѣдъ орѣха Кракатукъ. Гдѣ они побывали, что видѣли и что испытали, объ этомъ можно разсказывать впродолженіи 4-хъ недѣль. Я этого не сдѣлаю, но лучше сейчасъ-же скажу вамъ, милыя дѣти, что Дроссельмейеръ, и безъ того печальный, вдругъ почувствовалъ глубокую тоску по своему милому, родному городу Нюренбергу.

Однажды, когда онъ сидѣлъ со своимъ другомъ въ Азіи, среди дремучаго лѣса, эта тоска охватила его съ особенной силой.

О Нюренбергъ, мой градъ родимый,
Кто зрѣлъ тебя хоть мигъ единый,
Пусть тотъ объѣдетъ свѣтъ обширный
И всѣ большіе города—
Тебя, о Нюренбергъ прекрасный,
Онъ не забудетъ никогда!
Вдали томиться обреченъ,
Всегда стремиться будетъ онъ
Узрѣть ряды домовъ высокихъ
И оконъ блескъ твоихъ широкихъ.
О, гдѣ ты, Нюренбергъ родимый,
О, Нюренбергъ, мой градъ любимый!

Покуда Дроссельмейеръ столь горько изливалъ свои жалобы, астрономъ, охваченный глубокимъ сожалѣ-

ніемъ, началъ вопить такъ жалобно и громко, что его было слышно во всей Азіи и вдоль и поперекъ. Однако онъ овладѣлъ собой, вытеръ слезы и сказалъ:

— Послушайте, высокоуважаемый коллега, зачѣмъ мы сидимъ здѣсь и вопимъ, зачѣмъ нейдемъ въ Нюренбергъ? Не все-ли равно, гдѣ искать злополучный орѣхъ Кракатукъ!

— И то правда, отвѣтилъ утѣшенный Дроссельмейеръ.

Оба немедленно встали, выколотили трубки и отправились, не переводя духъ, изъ глубины Азіи прямехонько въ Нюренбергъ. Какъ только они туда пришли, Дроссельмейеръ поскорѣе побѣжалъ къ своему двоюродному брату, кукольному мастеру, точильщику и золотильщику, Захарію Дроссельмейеру, котораго онъ не видалъ уже много лѣтъ. Когда часовщикъ разсказалъ ему исторію принцессы Пирлипатъ, Мыши-Грызуньи и орѣха Кракатукъ, онъ всплеснулъ руками и воскликнулъ съ удивленіемъ:

— Ахъ, братецъ, вотъ такъ чудеса!

Дроссельмейеръ продолжалъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ во время длиннаго путешествія: о томъ, какъ онъ провелъ два года у короля финиковъ, какъ былъ съ позоромъ изгнанъ миндальнымъ принцемъ, какъ тщетно обращался за справками къ бѣлкамъ, въ ихъ общество естествоиспытателей; однимъ словомъ о томъ, какъ ему нигдѣ не удалось напасть даже на слѣдъ орѣха Кракатукъ. Во время этого разсказа Захарія Дроссельмейеръ щелкалъ то пальцами, то языкомъ, вертѣлся на одной ножкѣ и, наконецъ, воскликнулъ:

— Ба, ба, ба—та, та, та—вотъ такъ штука!

Потомъ онъ пустилъ вверхъ и шапочку, и парикъ,

стремительно бросился на шею къ двоюродному брату и воскликнулъ:

— Братъ, ты спасенъ, ты спасенъ, говорю я, потому что или я жестоко ошибаюсь, или орѣхъ Кракатукъ у меня!

Онъ тотчасъ-же принесъ шкатулочку, вынулъ изъ нея орѣхъ средней величины и показалъ его брату.

— Послушай, сказалъ онъ,—каково происхожденіе этого орѣха: много лѣтъ тому назадъ, во время рождественскихъ праздниковъ пришелъ сюда неизвѣстный человѣкъ съ мѣшкомъ орѣховъ. Онъ просилъ за нихъ очень дешево. Какъ разъ противъ моей лавочки съ нимъ затѣялъ ссору мѣстный продавщикъ орѣховъ, который не хотѣлъ допустить, чтобы посторонній че-

ловѣкъ торговалъ здѣсь этимъ товаромъ. Чтобы удобнѣе защищаться, незнакомецъ положилъ мѣшокъ на землю; въ ту же минуту по нему проѣхала тяжело нагруженная фура. Всѣ орѣхи были расколоты, кромѣ одного. Незнакомецъ, странно улыбаясь, предложилъ мнѣ купить его за новую монету въ 20 крейцеровъ 1720 года. У меня въ карманѣ нашлась какъ разъ такая монета, какую требовалъ продавщикъ. Это показалось мнѣ страннымъ. Я купилъ орѣхъ и позолотилъ его, самъ не зная, почему я заплатилъ за него такъ дорого и почему потомъ сталъ имъ дорожить.

Немедленно позвали придворнаго астронома. Онъ осторожно соскоблилъ позолоту и нашелъ на корѣ слово Кракатукъ, вырѣзанное китайскими буквами. Такимъ образомъ были разсѣяны всякія сомнѣнія насчетъ того, что орѣхъ двоюроднаго брата былъ дѣйствительно искомый орѣхъ Кракатукъ.

Радость путешественниковъ была велика, а двою-

родный братецъ чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, потому что Дроссельмейеръ увѣ-

рилъ его, что отнынѣ его счастье обезпечено, такъ какъ кромѣ значительной пенсіи, онъ будетъ получать даромъ все золото, нужное ему для позолоты.

Оба друга уже надѣли ночные колпаки и собирались ложиться въ постель, какъ вдругъ астрономъ заговорилъ слѣдующимъ образомъ:

— Дорогой коллега, счастье никогда не приходитъ одно. Повѣрьте мнѣ, мы нашли не только орѣхъ Кракатукъ, но и того молодого человѣка, который долженъ разгрызть его и поднести принцессѣ ядро, залогъ красоты. Я говорю о сынѣ вашего двоюроднаго брата. Нѣтъ, не хочу я спать, продолжалъ онъ вдохновенно, но въ эту-же ночь выведу гороскопъ молодого человѣка.

Съ этими словами онъ сорвалъ съ головы колпакъ и немедленно принялся за наблюденія.

Дѣйствительно сынъ двоюроднаго брата былъ стройный, красивый молодой человѣкъ, который еще никогда не брился и не носилъ башмаковъ. Въ раннемъ дѣт-

ствѣ онъ не разъ изображалъ на святкахъ скомороха,

но это не оставило на немъ никакихъ слѣдовъ, такъ хорошо и старательно былъ онъ воспитанъ своимъ отцомъ. На рождественскіе праздники онъ носилъ обыкновенно красивый, красный кафтанъ, шитый золотомъ, шпагу подъ мышкой, а на головѣ красивую, завитую прическу съ косой. Часто, стоя въ лавкѣ своего отца въ такомъ блестящемъ нарядѣ, онъ съ большой любезностью щелкалъ орѣхи молодымъ дѣвушкамъ, за что онѣ прозвали его прекраснымъ Щелкунчикомъ.

На другое утро астрономъ въ восторгѣ бросился на шею къ механику и воскликнулъ:

— Это онъ, это онъ, онъ найденъ! Только не надо упускать изъ вида двухъ вещей, милѣйшій коллега: во первыхъ вы должны придѣлать вашему очаровательному племяннику прочную деревянную косу такъ, чтобы она, находясь въ связи съ нижнею челюстью, приводила ее въ движеніе и придавала ей силу; во вторыхъ, по пріѣздѣ въ столицу, намъ надо тщательно скрыть, что мы привезли съ собой молодого человѣка, который можетъ разгрызть орѣхъ. Я читаю въ звѣздахъ, что послѣ того, какъ многіе поломаютъ себѣ зубы безъ всякаго толку, король обѣщаетъ руку принцессы и наслѣдіе престола въ награду тому, кто разгрызетъ орѣхъ и вернетъ принцессѣ утраченную красоту.

Кукольный мастеръ былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что его сынку предстояло жениться на принцессѣ Пирлипатъ, сдѣлаться принцемъ и королемъ, поэтому онъ поручилъ его вполнѣ обоимъ путешественникамъ. Коса, которую Дроссельмейеръ придѣлалъ

своему молодому племяннику, подающему столь большія надежды, вполнѣ удалась. Онъ дѣлалъ блестящіе опыты,

раскусывая самыя твердыя персиковыя косточки.

Дроссельмейеръ и астрономъ поспѣшили дать знать въ столицу о томъ, что орѣхъ Кракатукъ найденъ. Тамъ немедленно были публикованы всѣ нужныя воззванія, такъ что къ пріѣзду путешественниковъ съ та-

лисманомъ красоты, въ столицѣ собралось уже множество прекрасныхъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ

даже нѣсколько принцевъ. Всѣ они, полагаясь на свои здоровые зубы, желали попытаться освободить принцессу отъ колдовства. Путешественники просто испугались, когда снова увидѣли принцессу: маленькое тѣльце, съ тощими ручками и ножками, едва могло поддерживать громадную, безформенную голову. Безобразіе лица еще болѣе увеличивала бѣлая, похожая на вату борода, которая окаймляла ротъ и подбородокъ.

Все произошло, какъ прочелъ въ звѣздахъ придворный астрономъ. Молокососы въ сапогахъ одинъ за другимъ ломали себѣ зубы и челюсти объ орѣхъ Кракатукъ, безо всякой пользы для принцессы. Несчастныхъ молодыхъ людей въ полубезчувственномъ состояніи выносили на рукахъ придворные зубные врачи, нарочно для этого назначенные, и они только стонали: „ну, орѣхъ, поди-ка раскуси!“

Наконецъ король, встревоженный до глубины души, обѣщалъ тому, кто разрушитъ колдовство, и дочь, и государство.

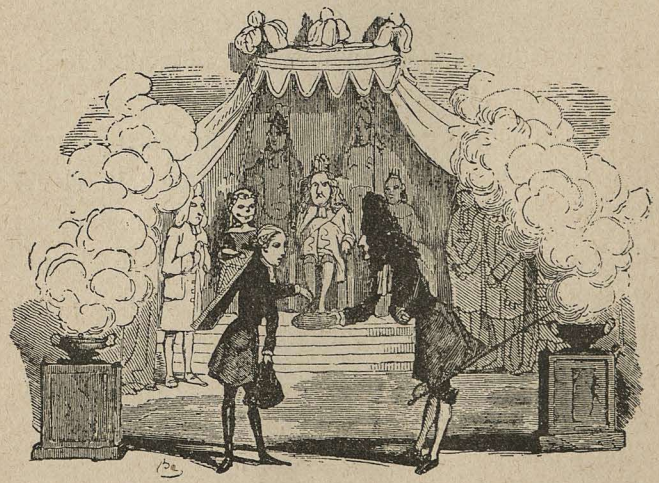
Тогда явился милый, любезный, молодой Дроссель-

мейеръ и попросилъ позволеніе также сдѣлать попытку.

Онъ понравился принцессѣ Пирлипатъ больше всѣхъ. Она прижала къ сердцу маленькія ручки и вздохнула изъ глубины души:

— Ахъ, еслибъ это былъ тотъ, кому суждено разгрызть орѣхъ и стать моимъ мужемъ!

Молодой Дроссельмейеръ вѣжливо поклонился королю, королевѣ и принцессѣ Пирлипатъ, потомъ принялъ



орѣхъ изъ рукъ оберъ-церемоніймейстера, не долго ду-

мая, положилъ его между зубами, сильно дернулъ свою косу и кракъ-кракъ, раздробилъ скорлупу на мелкіе кусочки. Тогда онъ ловко очистилъ ядро отъ приставшихъ къ нему волоконъ, передалъ его принцессѣ, по-

чтительно шаркнувъ ножкой, закрылъ глаза и началъ отступать назадъ.

Принцесса моментально проглотила ядрышко и, о чудо! уродливое существо исчезло: на его мѣстѣ стояла дѣвушка, прекрасная, какъ ангелъ. Ея личико было

такъ нѣжно, точно соткано изъ шелковыхъ волоконъ

бѣлыхъ, какъ лилія и розовыхъ, какъ роза, глазки блестѣли лазурью, а густые локоны казались свитыми изъ золотыхъ нитей.

Звуки трубъ и литавровъ смѣшались съ радостными кликами народа. Королеву пришлось спрыснуть о-де-колономъ, потому что она упала въ обморокъ отъ радости и восторга. Страшный гвалтъ порядкомъ ошеломилъ молодого Дроссельмейера, который не кончилъ еще положенныхъ семи шаговъ. Однако онъ овладѣлъ собой и уже протягивалъ ногу для седьмого шага, какъ вдругъ съ отвратительнымъ пискомъ и визгомъ изъ подъ пола выскочила Мышь-Грызунья. Когда Дроссельмейеръ опустилъ ногу, онъ наступилъ на нее, спотыкнулся и чуть было не упалъ.

О, горе! внезапно юноша превратился въ безобразнаго урода точно также, какъ раньше принцесса Пирлипатъ. Его тѣло съежилось, такъ что едва могло поддерживать толстую безобразную голову съ большими выпученными глазами и широкимъ растянутымъ ртомъ. Сзади у него, вмѣсто косы, повисла узкая деревянная дощечка, посредствомъ которой онъ могъ управлять нижней челюстью.

Часовщикъ и астрономъ были внѣ себя отъ ужаса и отчаянія.

Между тѣмъ, Мышь-Грызунья каталась по полу вся въ крови. Ея злоба не осталась безнаказанной. Молодой Дроссельмейеръ такъ сильно придавилъ ей шею острымъ каблукомъ сапога, что она была при послѣднемъ издыханіи. Катаясь по полу въ предсмертныхъ судорогахъ Мышь-Грызунья жалобно пищала:

„Будь проклятъ ты, меня сгубившій
Орѣхъ съ волшебной скорлупой!
А ты, Щелкунчикъ, раздавившій
Царицу дерзкою пятой,
Дрожи, тебѣ не сдобровать.
Мой сынъ отмститъ тебѣ за мать!

Я умираю
И покидаю
Прекрасный свѣтъ,
О, жизни сладость,
Веселье, радость
Прощай на вѣкъ!
Ужасный мигъ,
О горе, квикъ!“

Съ этимъ визгомъ она испустила духъ и была вынесена вонъ придворнымъ истопникомъ.

О молодомъ Дроссельмейерѣ всѣ позабыли. Принцесса первая напомнила королю о его обѣщаніи, и онъ тотчасъ-же приказалъ привести къ себѣ юнаго героя. Когда несчастный выступилъ впередъ въ своемъ уродливомъ видѣ, принцесса закрыла лицо руками и закричала:

— Вонъ, вонъ отсюда, безобразный Щелкунчикъ!

Гофмаршалъ немедленно схватилъ его за узенькія плечи и вытолкалъ въ дверь.

Король пришелъ въ ярость при мысли, что ему хотѣли навязать въ зятья Щелкунчика. Онъ приписалъ все несчастье небрежности часовщика и астронома и изгналъ ихъ обоихъ на вѣчныя времена изъ столицы.

Это уже не стояло въ гороскопѣ, который астрономъ вывелъ въ Нюренбергѣ, но не удержало его отъ новыхъ наблюденій. На этотъ разъ онъ прочелъ въ звѣздахъ, что молодой Дроссельмейеръ съумѣетъ такъ ловко вести себя въ новомъ положеніи, что сдѣлается принцемъ и королемъ. Что-же касается до его безобразія, то оно исчезнетъ, когда отъ его руки падетъ мышиный король, сынъ Мыши-Грызуньи, котораго она родила съ семью головами послѣ смерти своихъ семи сыновей, и когда прекрасная дѣвушка полюбитъ его не смотря на его безобразіе.

Дѣйствительно, молодого Дроссельмейера не разъ видѣли во время рождественскихъ праздниковъ въ лавкѣ его отца въ Нюренбергѣ въ образѣ Щелкунчика, но уже въ санѣ принца.

Вотъ вамъ дѣти сказка о твердомъ орѣхѣ. Теперь вы знаете, почему люди часто говорятъ: „поди-ка раскуси“ и почему Щелкунчики безобразны. Такъ заключилъ судья свой разсказъ.

Мари сказала, что принцесса Пирлипатъ въ сущности существо дурное и неблагодарное, а Фрицъ заявилъ,

что если только Щелкунчикъ смѣлый молодецъ, онъ не станетъ долго возиться съ мышинымъ королемъ и скоро вернетъ себѣ свою прежнюю красивую внѣшность.

Дядя и племянникъ.

Кому изъ моихъ почтенныхъ читателей случалось порѣзаться стекломъ, тотъ знаетъ, какъ это больно, какая это вообще непріятная вещь и какъ медленно заживаетъ.

Мари пришлось пролежать въ постели почти цѣлую недѣлю, потому что у нея кружилась голова, какъ только она вставала. Наконецъ она совершенно выздоровѣла и могла прыгать по комнатѣ такъ-же весело, какъ прежде. Въ стекляномъ шкапу все имѣло очень красивый видъ. Цвѣты, деревья, дома и нарядныя куклы казались такими новыми и блестящими. Мари радовалась больше всего при видѣ своего милаго Щелкунчика. Онъ стоялъ на второй полкѣ и улыбался ей, показывая всѣ свои здоровые зубки. Мари радостно смотрѣла на своего любимца, какъ вдругъ ей сдѣлалось жутко при мысли, что все, что разсказывалъ крёстный Дроссельмейеръ, была исторія Щелкунчика и его ссоры съ Мышью-Грызуньей и ея сыномъ.

Съ этой минуты Мари рѣшила, что Щелкунчикъ былъ никто иной, какъ молодой Дроссельмейеръ изъ Нюренберга, очень милый, племянникъ крёстнаго Дроссельмейера, но къ сожалѣнію заколдованный Мышью-Грызуньей. Въ томъ, что искусный часовщикъ при дворѣ отца Пирлипатъ былъ самъ судья Дроссельмейеръ, въ этомъ Мари не сомнѣвалась ни одной минуты съ самаго начала разсказа.

— Но почему-же твой дядя тебѣ не помогъ, почему онъ тебѣ не помогъ? жалобно повторяла Мари, которой представлялось все яснѣе и яснѣе, что въ битвѣ съ мышами Щелкунчикъ защищалъ свое царство и корону. Повидимому всѣ остальныя куклы были ему подвластны, такъ что пророчество придворнаго астронома, очевидно, сбылось, и молодой Дроссельмейеръ сдѣлался королемъ въ царствѣ куколъ.

Умная Мари сообразила все это очень хорошо. Надѣливши такимъ образомъ въ своемъ воображеніи Щелкунчика и его подданныхъ способностью жить и двигаться, она такъ и ждала, что вотъ, вотъ они оживутъ и зашевелятся. Однако, этого не случилось. Въ шкапу попрежнему все было безжизненно и неподвижно. Мари, твердая въ своемъ убѣжденіи, приписала это дѣйствію колдовства Мыши-Грызуньи и ея семиглаваго сына. Она громко сказала Щелкунчику:

— Милый Щелкунчикъ, хотя вы не въ состояніи двинуться и сказать мнѣ словечко, но я знаю, что вы меня понимаете и видите, какъ я расположена къ вамъ. Разсчитывайте на мою помощь, если она вамъ понадобится. По крайней мѣрѣ я попрошу

крёстнаго, чтобы онъ помогъ вамъ, гдѣ нужно, своимъ искусствомъ.

Щелкунчикъ оставался неподвижнымъ и спокойнымъ, но Мари показалось, что легкій вздохъ вырвался изъ шкапа, отчего стекла чуть слышно, чудно зазвенѣли, а тонкій серебристый голосокъ запѣлъ слѣдующія слова: „Ангелъ хранитель, Мари моя, я твой, Марія, а ты моя“. Несмотря на холодную дрожь, которая пробѣжала у ней по спинѣ, Мари почувствовала странное чувство радости.

Сумерки спустились. Отецъ вошелъ вмѣстѣ съ крёстнымъ Дроссельмейеромъ. Немного погодя Луиза сдѣлала чай и вся семья усѣлась вокругъ стола, весело болтая между собой. Мари тихонько принесла свое маленькое кресло и усѣлась у ногъ крёстнаго Дроссельмейера. Улучивъ минуту, когда всѣ разомъ замолчали, она пристально посмотрѣла ему въ лицо большими голубыми глазами и сказала:

— Теперь я знаю, милый крёстный, что мой Щелкунчикъ твой племянникъ, молодой Дроссельмейеръ изъ Нюренберга. Онъ дѣйствительно сдѣлался принцемъ, или вѣрнѣе королемъ, какъ предсказалъ твой спутникъ астрономъ. Тебѣ извѣстно, что Щелкунчикъ находится въ открытой войнѣ съ сыномъ Мыши-Грызуньи, отвратительнымъ мышинымъ королемъ. Почему-же ты ему не помогаешь?

Мари еще разъ разсказала весь ходъ битвы, которую она видѣла. Ее часто прерывалъ громкій смѣхъ матери и Луизы. Только Фрицъ и Дроссельмейеръ остались серьезными.

— Откуда дѣвочка набрала въ голову весь этотъ вздоръ, сказалъ отецъ.

— У нея просто живая фантазія, отвѣтила мать,— это бредъ, вызванный сильной лихорадкой.

— Все это неправда, объявилъ Фрицъ:—мои красные гусары не могутъ быть такими трусами. Иначе, я бы имъ этого не спустилъ.

Странно улыбаясь, крёстный Дроссельмейеръ взялъ на колѣни маленькую Мари и сказалъ ласковѣе обыкновеннаго:

— Тебѣ, милая Мари, дано больше, чѣмъ мнѣ и всѣмъ намъ. Ты такая-же принцесса, какъ Пирлипатъ, потому что управляешь прекраснымъ блестящимъ царствомъ, но тебѣ много придется пострадать, если ты примешь участіе въ бѣдномъ, изуродованномъ Щелкунчикѣ, потому что мышиный король преслѣдуетъ его по пятамъ. Знай, не я,—ты, ты одна можешь его спасти. Будь тверда и вѣрна.

Ни Мари, ни остальные присутствующіе не поняли, что Дроссельмейеръ хотѣлъ сказать этими словами. Отцу они показались такими странными, что онъ замѣтилъ:

— У васъ, милый другъ, вѣроятно, сильный приливъ къ головѣ, вамъ надо что нибудь принять.

Только мать задумчиво покачала головой и промолвила:

— Я догадываюсь, что именно хочетъ сказать судья, но не умѣю выразить это словами.

№ 26
617

Побѣда.

Вскорѣ послѣ этого, въ одну свѣтлую лунную ночь, Мари была разбужена страннымъ стукомъ, который раздавался изъ угла комнаты. Точно маленькіе камешки съ шумомъ летѣли и катались тамъ въ разныя стороны, и въ то-же время что-то отвратительно свистѣло и пищало.

— Ахъ, это мыши, опять лѣзутъ мыши! съ испугомъ воскликнула Мари, и собиралась разбудить мать, какъ вдругъ голосъ ея замеръ и она не могла пошевелить ни однимъ членомъ при видѣ мышинаго короля, который вылѣзалъ изъ дырочки въ стѣнѣ. Вотъ онъ, сверкая глазами, поскакалъ по комнатѣ въ своихъ семи коронахъ, а затѣмъ въ одинъ прыжокъ очутился на столикѣ возлѣ кровати Мари.

— Хи, хи, хи, отдай мнѣ твои сахарныя горошинки, отдай мнѣ обсахаренный миндаль, маленькая дѣвочка, или я разгрызу пополамъ твоего Щелкунчика, твоего милаго Щелкунчика. Такъ визжалъ мышиный король,

отвратительно щелкая и скрежеща зубами, а потомъ быстро исчезъ сквозь дырочку въ стѣнѣ.

Мари, напуганная страшнымъ явленіемъ, была совсѣмъ блѣдная на слѣдующее утро и едва могла говорить отъ волненія. Сто разъ собиралась она повѣдать матери, Луизѣ или по крайней мѣрѣ Фрицу о томъ, что съ ней случилось, но ее останавливала мысль: „Зачѣмъ, они мнѣ не повѣрятъ, они меня только осмѣютъ!“ Одно было для нея ясно, что для спасенія Щелкунчика она должна отдать сахарныя горошинки и миндаль. Вечеромъ она взяла всѣ эти сласти и положила ихъ съ краешку на нижней полкѣ. На другое утро мать сказала:

— Я не понимаю, откуда появились мыши у насъ въ гостиной? посмотри, бѣдная Мари, онѣ съѣли всѣ твои сласти.

Такъ оно и было. Правда, миндаль оказался не по вкусу прожорливому мышиному королю, но онъ такъ обглодалъ его острыми зубами, что его все равно пришлось выбросить.

Мари не жалѣла о своихъ сластяхъ, напротивъ, въ глубинѣ души, она радовалась, думая, что спасла своего Щелкунчика. Каково-же ей было, когда на слѣдующую ночь пискъ и визгъ раздались у самаго ея уха. Ахъ, мышиный король былъ опять тутъ. Еще страшнѣе, чѣмъ въ предъидущую ночь сверкали его глаза и еще противнѣе свистѣлъ онъ сквозь зубы:

— Отдай мнѣ твои сахарныя и пряничныя куколки, маленькая дѣвочка, или я разгрызу твоего Щелкунчика, твоего милаго Щелкунчика.

Съ этими словами страшный мышиный король ускакалъ прочь.

Мари была очень огорчена. На другое утро она подошла къ шкапу и грустно посмотрѣла на своихъ сахарныхъ и пряничныхъ куколокъ. Ея горе было понятно.

Вы не можете представить себѣ, милыя слушательницы, какія хорошенькія фигурки изъ сахара и пряниковъ были у Мари Штальбаумъ. Очень красивые пастухъ съ пастушкой пасли цѣлое стадо бѣлоснѣжныхъ барашковъ, около которыхъ прыгала веселая собачка. Тутъ-же стояли два почтальона съ письмами въ рукахъ, а четыре пары нарядныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ качались на качеляхъ. Сзади, въ уголкѣ виднѣлся краснощекій ребенокъ, любимецъ Мари.

Слезы брызнули изъ глазъ бѣдной дѣвочки.

— Ахъ, воскликнула она,—милый Щелкунчикъ я на все готова, чтобы спасти васъ, хотя это очень тяжело.

Между тѣмъ Щелкунчикъ смотрѣлъ такъ жалобно,

что Мари рѣшилась пожертвовать всѣмъ. Ей и безъ того казалось, что она уже видитъ разверзтыя пасти мышинаго короля, готовыя проглотить несчастнаго юношу.

Вечеромъ Мари разставила сахарныя фигурки на краю полки, тамъ, гдѣ наканунѣ лежали ея сласти.

Она поцѣловала пастуха, пастушку, бѣлыхъ барашковъ и вынула, наконецъ, изъ уголка своего лю-

бимца, краснощекаго ребенка, котораго поставила сзади всѣхъ.

— Нѣтъ, это слишкомъ досадно, воскликнула мать на другое утро;—вѣроятно, большая гадкая мышь хозяйничаетъ въ стеклянномъ шкапу: всѣ хорошенькія сахарныя куколки Мари изгрызены и искусаны.

Въ первую минуту Мари не могла удержаться отъ слезъ, но она скоро снова улыбнулась, потому что подумала: „Что за бѣда, зато Щелкунчикъ спасенъ!“

Вечеромъ мать разсказала судьѣ о томъ безпорядкѣ, который производитъ мышь въ стеклянномъ шкапу у дѣтей.

— Это, однако, досадно, прибавилъ отецъ,—что мы не можемъ уничтожить несносную мышь, которая хозяйничаетъ въ шкапу и поѣдаетъ всѣ сласти бѣдной Мари.

— Постойте, весело воскликнулъ Фрицъ,—внизу у булочника есть великолѣпный сѣрый совѣтникъ; я принесу его сюда. Онъ все приведетъ въ порядокъ и

живо откуситъ голову мыши, какова-бы она ни была, хоть сама Мышь-Грызунья или ея сынъ мышиный король.

— При этомъ, добавила мать, смѣясь, — будетъ прыгать по столамъ и стульямъ, перебьетъ стаканы и чашки и надѣлаетъ тысячу разныхъ бѣдъ.

— Ахъ, нѣтъ, возразилъ Фрицъ,— совѣтникъ изъ булочной очень ловкій господинъ. Я желалъ-бы такъ-же свободно, какъ онъ, ходить по крутой крышѣ.

— Только, пожалуйста, не берите кота на ночь попросила Луиза, которая терпѣть не могла кошекъ.

— Въ сущности Фрицъ правъ, сказалъ отецъ,—ну, а покуда мы можемъ поставить мышеловку; нѣтъ-ли у насъ мышеловки?

— Мышеловку прекрасно сдѣлаетъ намъ крёстный Дроссельмейеръ. Онъ самъ ихъ изобрѣлъ, воскликнулъ Фрицъ.

Всѣ засмѣялись. Когда мать сказала, что въ домѣ нѣтъ мышеловки, судья объявилъ, что у него ихъ много. Онъ сейчасъ-же послалъ къ себѣ на домъ, откуда принесли очень хорошую мышеловку.

Фрицу и Мари живо припомнилась сказка о твердомъ орѣхѣ. Мари такъ увлеклась воспоминаніями о сказкѣ и ея чудесахъ, что, когда кухарка стала поджаривать сало для мышеловки, она задрожала и сказала, обращаясь къ ней:

— О, королева, берегитесь Мыши-Грызуньи и всего ея рода.

— Пусть только явятся, воскликнулъ Фрицъ и выхватилъ саблю;—я имъ задамъ перцу.

Но и на плитѣ и подъ плитой все оставалось спокойно. Судья привязалъ сало на ниточку и какъ можно тише поставилъ мышеловку въ шкапъ.

— Берегись, крёстный-часовщикъ! сказалъ ему Фрицъ,—какъ бы мышиный король не съигралъ съ тобой какую-нибудь штуку.

Но ахъ, бѣдная Мари, что вынесла она на слѣдующую ночь! Что-то холодное какъ ледъ прыгало у ней по рукѣ взадъ и впередъ; что-то щетинистое и противное дотронулось до ея щеки и запищало и завизжало ей въ самое ухо. Отвратительный мышиный король сидѣлъ у ней на плечѣ. Его пасти, красныя, какъ кровь, были широко разинуты. Мари совсѣмъ оцѣпенѣла отъ отвращенія и ужаса, а онъ шипѣлъ ей въ самое ухо, щелкая и скрежеща зубами:

„Что мнѣ твои ловушки,
Не льщусь я на пирушки,
Меня вамъ не поймать!
Хочу ночной порой
Всѣ книжки до одной
И платье разорвать!
Иначе, не взыщи,
Щелкунчика, хи-хи,
Я разгрызу, квикъ-квикъ,
Квикъ-квикъ, въ единый мигъ!“

На другое утро Мари, подавленная горемъ, была блѣдна и имѣла растерянный видъ. Мать подумала, что она горюетъ о своихъ сластяхъ и боится мыши.

— Будь покойна, мое дитя, сказала она,—злая мышь еще не попалась, но мы съумѣемъ отъ нея избавиться;

если не помогутъ мышеловки, Фрицъ принесетъ своего сѣраго совѣтника.

Какъ только Мари осталась одна въ гостиной, она подошла къ стеклянному шкапу и, рыдая, сказала Щелкунчику:

— Ахъ, мой милый, добрый Щелкунчикъ, что можетъ сдѣлать для васъ такая бѣдная, несчастная дѣвочка, какъ я? Если я отдамъ мышиному королю на съѣденье всѣ мои книги съ картинками и даже мое хорошенькое новое платьице — это нисколько не поможетъ. Онъ будетъ требовать все больше и больше, такъ что у меня, наконецъ, ничего не останется и онъ захочетъ вмѣсто васъ загрызть меня самое. О, я бѣдная дѣвочка, что мнѣ дѣлать, ахъ, что мнѣ дѣлать?..

Несмотря на слезы, маленькая Мари вдругъ замѣтила, что отъ той страшной ночи у Щелкунчика осталось на шеѣ большое пятно крови. Съ тѣхъ поръ, какъ Мари знала, что Щелкунчикъ никто иной, какъ молодой Дроссельмейеръ, племянникъ судьи, она перестала носить его на рукахъ, ласкать и цѣловать. Изъ скромности она даже рѣдко до него дотрогивалась. На этотъ разъ она осторожно взяла его съ полки и начала стирать

пятнышко крови. Каково-же было ея удивленіе, когда

она вдругъ почувствовала, что Щелкунчикъ согрѣвается въ ея рукѣ и начинаетъ двигаться. Она быстро поставила его опять на полку.

Тутъ ротикъ Щелкунчика зашевелился и онъ съ трудомъ пролепеталъ слѣдующія слова:

— О, дорогая Мари, мой вѣрный другъ, я вамъ всѣмъ обязанъ. Не приносите ради меня въ жертву ничего, ни книгъ съ картинками, ни новаго платьица. Достаньте мнѣ только мечъ, одинъ мечъ. Объ остальномъ позабочусь я самъ. Будь онъ...

Тутъ голосъ Щелкунчика замеръ, а его глаза, только что оживленные выраженіемъ внутренняго чувства, сдѣлались неподвижны и безжизненны.

Мари не испугалась, напротивъ того, она подпрыгнула отъ радости, потому что узнала, наконецъ, средство спасти Щелкунчика безъ новыхъ тяжелыхъ жертвъ. Но гдѣ-же достать мечъ для этого крошки? Мари рѣшила посовѣтоваться съ Фрицемъ. Вечеромъ, когда родители выѣхали куда то изъ дому, и они остались вдвоемъ въ гостиной у стекляннаго шкапа, Мари разсказала брату о своихъ приключеніяхъ и о томъ, что нужно сдѣлать для спасенія Щелкунчика.

Фрицъ былъ особенно пораженъ тѣмъ, что, по словамъ Мари, его гусары дурно вели себя въ битвѣ. Онъ еще разъ очень серьезно спросилъ ее, правда-ли это?

Когда Мари завѣрила его въ томъ честнымъ словомъ, онъ быстро подошелъ къ шкапу и обратился къ гусарамъ съ потрясающею рѣчью. Затѣмъ, въ наказаніе за трусость, онъ отрѣзалъ у нихъ значки на фуражкахъ

и запретилъ имъ впродолженіи года трубить гусарскій маршъ.

Исполнивши обязанность строгаго начальника, Фрицъ обратился къ Мари и сказалъ:

— Я могу помочь Щелкунчику достать саблю. Какъ разъ вчера я уволилъ въ отставку съ пенсіей одного стараго полковника изъ кирасиръ, который такимъ образомъ не нуждается больше въ своей прекрасной острой саблѣ.

Упомянутый полковникъ жилъ на пенсіи, данной ему Фрицемъ, въ заднемъ уголкѣ на третьей полкѣ. Его достали, взяли у него серебряную саблю, которая была дѣйствительно очень хороша, и навѣсили ее на Щелкунчика.

Отъ безпокойства и страха Мари не могла заснуть на слѣдующую ночь. Въ полночь ей показалось, что она слышитъ въ гостиной странный шумъ, звяканье и шелестъ. Вдругъ раздалось—Квикъ!

— Мышиный король, мышиный король! воскликнула Мари и въ ужасѣ вскочила съ кровати.

Все было тихо. Однако, скоро раздался легкій стукъ въ дверь, а тонкій голосокъ произнесъ:

— О, дорогая Мари, отворяйте смѣло, я несу добрую, радостную вѣсть.

Мари узнала голосъ молодого Дроссельмейера, накинула юбочку и мигомъ отворила дверь

Щелкунчикъ стоялъ передъ ней, держа окровавленный мечъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой зажженную восковую свѣчу. Увидѣвъ Мари, онъ опустился передъ ней на одно колѣно и произнесъ:

— О, прекрасная дама, вы, вы одна вдохнули мужество въ мою грудь, вы придали силу моей рукѣ, и я побѣдилъ дерзновеннаго, который осмѣлился оскорбить васъ. Предательскій мышиный король лежитъ сраженный на смерть, купаясь въ своей крови. О, прекрасная дама, примите благосклонно плоды побѣды изъ рукъ рыцаря, преданнаго вамъ до гроба.

Съ этими словами Щелкунчикъ очень ловко снялъ семь золотыхъ коронокъ съ лѣвой руки, на которой онѣ были у него нанизаны, и передалъ ихъ Мари.

Она приняла ихъ съ радостью, а Щелкунчикъ всталъ и продолжалъ такъ:

— О, дорогая Мари, теперь, когда мой врагъ побѣжденъ, я могу показать вамъ чудесныя вещи, если только вы соблаговолите послѣдовать за мной, хотя-бы на нѣсколько шаговъ. О, сдѣлайте это, сдѣлайте это, дорогая Мари.

Кукольное царство.

Я думаю, дѣти, что каждый изъ васъ, не коляблясь ни минуты, пошелъ-бы за добрымъ и честнымъ Щелкунчикомъ, у котораго не могло быть на умѣ ничего дурного. Мари сдѣлала это тѣмъ охотнѣе, что могла разсчитывать на благодарность Щелкунчика и была увѣрена, что онъ покажетъ ей много прекраснаго.

— Я съ вами пойду, милый Щелкунчикъ, сказала она,—но недалеко и не надолго, потому что я еще не выспалась.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣтилъ Щелкунчикъ, — я выбираю самую короткую, хотя немного трудную дорогу.

Онъ пошелъ впередъ, а Мари слѣдовала за нимъ, покуда онъ не остановился передъ огромнымъ старымъ шкапомъ для платья, который стоялъ въ передней. Мари съ удивленіемъ замѣтила, что дверки шкапа, обыкновенно запертыя, стояли открытыми, такъ что она ясно видѣла дорожную лисью шубу отца, висѣвшую впереди.

Щелкунчикъ очень ловко полѣзъ вверхъ по опушкѣ шубы, пока не ухватился за большую кисть, которая спускалась у нея сзади на толстомъ шнуркѣ. Какъ только Щелкунчикъ сильно дернулъ за кисть, изъ рукава шубы быстро спустилась хорошенькая лѣстница изъ кедроваго дерева.

— Пожалуйте наверхъ, дорогая Мари, сказалъ Щелкунчикъ.

Мари такъ и сдѣлала. Едва она поднялась сквозь рукавъ, едва выглянула на воротникъ, какъ ослѣпительный свѣтъ блеснулъ ей навстрѣчу и она вдругъ очутилась на великолѣпномъ, душистомъ лугу, на которомъ сверкали милліоны искръ, какъ блестящіе драгоцѣнные камни.

— Мы на Сахарномъ лугу, сказалъ Щелкунчикъ,— а сію минуту пройдемъ вонъ въ тѣ ворота.

Мари взглянула и только теперь обратила вниманіе на красивыя ворота, которыя поднимались на лугу въ нѣсколькихъ шагахъ впереди. Они казались сложенными изъ пестраго мрамора съ бѣлыми, коричневыми и красными крапинками. Проходя подъ ними, Мари замѣтила, что вся масса состоитъ изъ изюма и обсахареннаго миндаля, почему они и называются Миндальными и Изюмными, какъ объяснилъ ей Щелкунчикъ. Ворота вели на галлерею изъ ячменнаго сахара. На ней сидѣли шесть обезьянъ въ красныхъ курточкахъ и производили такую удивительную турецкую, военную музыку, что Мари, заслушавшись, сама не замѣчала, какъ шла все дальше и дальше по мостовой изъ гладко отшлифованныхъ фисташекъ, которыя она

принимала за мраморныя плиты. Скоро на Мари повѣяло удивительнымъ благоуханіемъ. Оно струилось изъ чуднаго лѣса, поднимавшагося съ обѣихъ сторонъ. Среди его темной листвы, ярко освѣщенной безчисленными огоньками, висѣли золотые и серебряные фрукты на разноцвѣтныхъ стебелькахъ, а вѣтви и стволы деревьевъ были украшены лентами и букетами цвѣтовъ, какъ веселые гости на свадебномъ пиру. При каждомъ порывѣ вѣтерка, напоеннаго запахомъ апельсинныхъ деревьевъ, вѣтви и листья шелестѣли, а золотая мишура дрожала и звенѣла.

Мари казалось, что въ лѣсу звучитъ радостная музыка, подъ которую подпрыгиваютъ и приплясываютъ блестящіе огоньки.

— Ахъ, какъ хорошо! воскликнула она въ восторгѣ.

— Мы въ Рождественскомъ лѣсу, дорогая Мари, отвѣчалъ Щелкунчикъ.

— Ахъ, продолжала Мари, — нельзя-ли остаться здѣсь нѣкоторое время, здѣсь такъ хорошо.

Щелкунчикъ хлопнулъ въ ладоши. Въ ту-же минуту явилось нѣсколько маленькихъ охотниковъ и пастушковъ съ пастушками. Они были такъ нѣжны и бѣлы, точно сдѣланы изъ чистаго сахара. Мари даже не замѣтила ихъ до сихъ поръ, хотя они и раньше прогуливались по лѣсу. Они принесли прелестное золотое кресло, положили на него подушку изъ бѣлой пастилы и очень любезно пригласили Мари сѣсть въ него. Какъ только Мари усѣлась, пастухи и пастушки стали исполнять очень хорошенькій балетъ, а охотники принялись

чинно трубить въ рога. Затѣмъ они всѣ вмѣстѣ исчезли въ кустахъ.

— Извините, дорогая Мари, за такой жалкій балетъ, сказалъ Щелкунчикъ,—но вѣдь всѣ наши танцоры на проволокахъ и могутъ продѣлывать только одни и тѣ-же движенія. Охотники тоже трубили сонно и лѣниво по особой причинѣ: имъ хотѣлось полакомиться, а коробочки со сластями, хотя и висятъ у нихъ передъ носомъ на вѣткахъ Рождественскихъ деревьевъ, да бѣда въ томъ, что слишкомъ высоко. Однако не угодно-ли вамъ пожаловать дальше?

— Ахъ, сказала Мари,—все было прелестно, и очень мнѣ понравилось.

Она встала и пошла за Щелкунчикомъ вдоль берега ручья. Его воды тихо журчали, распространяя то чудное благоуханіе, которое наполняло весь лѣсъ.

— Это Апельсинный ручеекъ, объяснилъ Щелкунчикъ. Онъ отличается чуднымъ запахомъ, но по величинѣ и красотѣ уступаетъ Лимонадной рѣкѣ, которая, подобно ему, впадаетъ въ озеро Миндальнаго молока.

Дѣйствительно Мари скоро услышала сильный плескъ воды и увидѣла могучую Лимонадную рѣку, которая катила гордыя зеленоватыя волны среди береговъ, поросшихъ кустарникомъ, блестящимъ, какъ изумрудъ. Чрезвычайно пріятная, освѣжающая грудь прохлада поднималась отъ чудной воды. Недалеко оттуда медленно текли темножелтыя воды другой рѣки, распространяя необыкновенно сладкій запахъ. На ея берегахъ сидѣло множество прелестныхъ дѣтей. Они ловили на

удочки маленькихъ, толстыхъ рыбокъ и сейчасъ-же ихъ съѣдали. Подойдя ближе, Мари замѣтила, что эти рыбки были похожи какъ двѣ капли воды на волоцкіе орѣхи. Въ нѣкоторомъ разстояніи на берегахъ рѣки раскинулась хорошенькая деревушка. Ея дома, церковь, амбары, всѣ были темнокоричневые, украшенные золотыми крышами. Пестрыя стѣны нѣкоторыхъ строеній казались усыпанными лимонными корочками и миндаленками.

— Это село Пряничное, лежащее на Медовой рѣкѣ, сказалъ Щелкунчикъ, — въ немъ живутъ очень красивые люди, но они большею частію не въ духѣ, потому что вѣчно страдаютъ зубною болью. Мы лучше туда не пойдемъ.

Въ эту минуту Мари замѣтила очень хорошенькій городокъ съ разноцвѣтными, прозрачными домами. Щелкунчикъ направился прямо въ него. Мари услышала неистовый, веселый шумъ и увидѣла какъ тысячи хорошенькихъ, маленькихъ человѣчковъ разбирали нѣсколько высоко-нагруженныхъ возовъ, которые стояли на площади. То что они снимали, было похоже на пеструю разноцвѣтную бумагу и на плитки шоколада.

— Это городъ Леденецъ, сказалъ Щелкунчикъ, — сюда только что пріѣхали послы съ дарами изъ Бумажной страны и отъ Шоколаднаго короля. Бѣднымъ жителямъ недавно страшно угрожала армія мушинаго адмирала, поэтому они покрываютъ свои дома дарами, полученными изъ Бумажной страны и возводятъ укрѣпленія изъ плотныхъ плитъ, которыя прислалъ имъ Шоколадный король. Но, дорогая Мари, не будемъ по-

сѣщать всѣ небольшіе города и деревеньки этой страны. Въ столицу, въ столицу!

Щелкунчикъ быстро пошелъ впередъ, а Мари послѣдовала за нимъ, пылая любопытствомъ. Вскорѣ повѣяло великолѣпнымъ запахомъ розъ, а кругомъ разлилось нѣжное, трепещущее розовое сіяніе. Мари замѣтила, что это былъ отблескъ отъ ярко-розовой поверхности воды, широко раскинувшейся передъ ними, какъ большое озеро. Ея маленькія серебристо-розовыя волны плескались и журчали, издавая удивительно пріятные звуки, которые сливались въ чудные напѣвы. По озеру плавали великолѣпные серебристо-бѣлые лебеди въ золотыхъ ошейникахъ и пѣли прекрасныя пѣсни. Подъ эти напѣвы брилліантовыя рыбки ныряли въ розовыхъ волнахъ, точно кружась въ веселомъ хороводѣ.

— Ахъ, воскликнула Мари въ восхищеніи, — это то самое озеро, которое однажды хотѣлъ мнѣ сдѣлать крёстный Дроссельмейеръ, а я та самая дѣвочка, которая играетъ съ лебедями.

По лицу Щелкунчика проскользнула такая насмѣшливая улыбка, какой Мари у него никогда не видала.

— Ничто подобное дядѣ недоступно, сказалъ онъ,— скорѣе вамъ самой, милая барышня; но не будемъ разсуждать объ этомъ, а лучше поплывемъ черезъ розовое озеро въ столицу.

Столица.

Щелкунчикъ ударилъ въ ладоши маленькими ручками. Тогда розовое озеро сильнѣе зашумѣло, волны заходили выше, и Мари увидѣла, что издали выплываетъ и приближается къ нимъ колесница изъ раковины, вся усыпанная разноцвѣтными, сверкающими, какъ солнце, драгоцѣнными камнями. Ее везли два дельфина съ золотой чешуей. Двѣнадцать маленькихъ, прехорошенькихъ мавровъ выпрыгнули изъ раковины на берегъ. Ихъ шапочки и одежды были сотканы изъ блестящихъ перышекъ колибри. Тихо скользя по волнамъ, они перенесли на рукахъ и посадили въ колесницу сначала Мари, а потомъ Щелкунчика. Золотые дельфины повезли ихъ по озеру. О, какъ хорошо было Мари плыть по

розовымъ волнамъ среди чуднаго запаха розъ! Золотые дельфины поднимали головы и выбрасывали вверхъ фонтаны хрустальныхъ лучей, которые падали внизъ

мерцающими, блестящими дугами и звучали, какъ два нѣжные, серебристые голоска:

— „Кто плыветъ по волнамъ,
По душистымъ струямъ?
Фея плыветъ.
Пѣсни веселыя,
Пѣсни прекрасныя
Лебедь поетъ.
Рыбки ныряйте,
Птички летайте
Рѣзвой толпой.
Волны бѣгите,
Брызги летите
Свѣжей росой.
По прозрачнымъ волнамъ,
По душистымъ струямъ
Фею везутъ.
Волны вздымаются,
Волны качаются,
Волны бѣгутъ".

Двѣнадцать маленькихъ мавровъ, стоя на запяткахъ колесницы, были, казалось, недовольны пѣніемъ водяныхъ лучей. Они поднимали шелестъ, сильно потрясая своими зонтиками изъ листьевъ финиковой пальмы и выбивали при этомъ странный тактъ ногами, напѣвая: „Топъ-топъ, тяпъ-тяпъ и такъ-и сякъ!"

— Мавры веселые люди, сказалъ Щелкунчикъ, нѣсколько смущенный,—но они взбаламутятъ у меня все озеро.

Дѣйствительно вдругъ раздался оглушительный шумъ странныхъ голосовъ, которые звучали, казалось, и въ водѣ, и въ воздухѣ. Впрочемъ, Мари не обратила

на нихъ вниманія. Она смотрѣла въ душистую розовую воду, откуда изъ каждой волны улыбалось ей милое, ласковое, женское личико.

— Ахъ, радостно воскликнула она, всплеснувъ маленькими ручками — посмотрите, посмотрите, милый Щелкунчикъ, тамъ внизу принцесса Пирлипатъ смотритъ на меня съ чудной улыбкой.

Щелкунчикъ вздохнулъ почти жалобно и сказалъ:

— О, дорогая Мари, это не принцесса Пирлипатъ, это вы, вы одна, это вашъ собственный нѣжный образъ такъ мило улыбается изъ каждой волны.

Мари быстро откинула назадъ головку, крѣпко закрыла глаза и очень сконфузилась. Въ эту минуту двѣнадцать маленькихъ мавровъ вынули ее изъ колесницы и отнесли на берегъ. Она очутилась въ маленькой рощицѣ, которая была, пожалуй, еще красивѣе Рождественскаго лѣса, до того въ ней все блестѣло и сверкало. Особенно хороши были фрукты, которые висѣли на деревьяхъ. Они были необыкновенно яркихъ цвѣтовъ и удивительно хорошо пахли.

— Мы въ рощѣ Варенья, сказалъ Щелкунчикъ,—но вотъ и столица!

Ахъ, что за чудо увидѣла Мари! Я не знаю съ чего мнѣ начать, дѣти, чтобы описать вамъ всю красоту и великолѣпіе города, который широко раскинулся передъ глазами Мари на роскошномъ лугу, усыпанномъ цвѣтами. Стѣны башенъ и другихъ построекъ пестрѣли красивыми цвѣтами, а сама форма строеній была такая удивительная, какой не встрѣтишь нигдѣ на землѣ. На

домахъ вмѣсто крышъ возвышались хорошенькія плетеныя короны, а башни стояли увѣнчанныя пучками прелестной, пестрой листвы. Когда Мари со Щелкунчикомъ входили въ ворота (они казались сдѣланными изъ макаронъ и обсахаренныхъ фруктовъ), серебряные солдатики отдали имъ честь, а какой-то господинъ въ парчевомъ халатѣ бросился на шею къ Щелкунчику со словами:

— Милости просимъ, дорогой принцъ, милости просимъ въ Конфектобургъ!

Мари очень удивилась, когда услышала, что этотъ почтенный человѣкъ привѣтствуетъ Щелкунчика какъ принца. Въ эту минуту она услышала звуки тонкихъ голосковъ, хохотъ, музыку и пѣніе, которые сливались въ одинъ веселый шумъ. Онъ привлекъ все вниманіе Мари и она спросила Щелкунчика, что это значитъ.

— О, дорогая Мари, отвѣтилъ Щелкунчикъ,—въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Конфектобургъ многолюдный, веселый городъ. Здѣсь каждый день такой шумъ. Но не угодно-ли вамъ пожаловать дальше?

Едва они прошли нѣсколько шаговъ, какъ очутились на большой площади, которая представляла великолѣпное зрѣлище. Всѣ дома вокругъ нея были сахарные, украшенные легкими сквозными галлереями. Посреди площади, какъ обелискъ, возвышался высокій пирогъ, посыпанный сахаромъ. Вокругъ него били вверхъ четыре фонтана изъ оршада, лимонада и другихъ сладкихъ напитковъ. Бассейнъ фонтана былъ полонъ битыхъ сливокъ, которыя можно было черпать ложками.

Все это было очень хорошо, но еще лучше были маленькіе человѣчки, которые тысячами тѣснились на площади, образуя цѣлое море головъ. Они смѣялись, шутили и пѣли, однимъ словомъ поднимали тотъ веселый шумъ, который Мари слышала еще издали. Здѣсь были нарядные кавалеры и дамы, офицеры и солдаты, армяне, греки, евреи, тирольцы, пастухи и шуты, однимъ словомъ всевозможные люди, какихъ только можно встрѣтить на бѣломъ свѣтѣ. Въ одномъ углу площади поднялся страшный гвалтъ: народъ бросился въ разсыпную, потому что тамъ пронесли на носилкахъ Великаго Могола, въ сопровожденіи 39 вельможъ и 700 рабовъ. Въ то же время въ другомъ углу, рыбаки въ числѣ 500 человѣкъ, праздновали свой праздникъ. На бѣду турецкому султану какъ-разъ въ эту минуту вздумалось проѣхаться по площади съ 3000 янычаръ, да кромѣ того явилась большая процессія, которая возвращалась съ жертвоприношенія богамъ; она направилась прямо къ сладкому пирогу съ музыкой и пѣніемъ: „Слава могучему солнцу, слава!“ То-то была давка, и толкотня, и бѣготня, и писк! Вдругъ раздались жалобные вопли потому что какой-то рыбакъ въ тѣснотѣ сшибъ голову брамину, а одинъ шутъ опрокинулъ Великаго Могола. Шумъ становился все громче и громче; въ толпѣ начали толкать другъ друга и драться. Тогда человѣкъ въ парчевомъ халатѣ, тотъ самый, который у воротъ привѣтствовалъ Щелкунчика какъ принца, взобрался на сладкій пирогъ, трижды позвонилъ въ звонкій колокольчикъ и затѣмъ трижды крикнулъ: „Кондитеръ, кондитеръ, кондитеръ!“ Въ одинъ мигъ шумъ прекратился,

всѣ сразу притихли. Скоро шествія пришли въ порядокъ и двинулись дальше, Великаго Могола вычистили щеткой, брамину приклеили голову и прежнее веселье пошло своимъ чередомъ.

— Что значитъ этотъ возгласъ, милый Щелкунчикъ? спросила Мари.

— Ахъ, дорогая Мари, отвѣтилъ Щелкунчикъ,— здѣсь думаютъ, что кондитеръ можетъ сдѣлать съ человѣкомъ все, что захочетъ и боятся его поэтому больше всего на свѣтѣ, такъ боятся, что одинъ звукъ его имени можетъ угомонить самый ужасный шумъ. Это только что доказалъ городской голова.

У Мари невольно вырвался крикъ восторга и изумленія, когда они вдругъ очутились передъ замкомъ, увѣнчаннымъ сотней легкихъ, прозрачныхъ башенокъ. Онъ весь свѣтился ярко-розовымъ свѣтомъ; по стѣнамъ замка тамъ и сямъ были прикрѣплены букеты фіалокъ, тюльпановъ и левкоевъ; ихъ яркіе, но темные цвѣта еще болѣе оттѣняли ослѣпительную бѣлизну стѣнъ съ розовымъ отливомъ. Большой куполъ средняго зданія и остроконечныя крыши башенъ были усыпаны тысячами сверкающихъ золотыхъ и серебряныхъ звѣздочекъ.

— Вотъ и сахарный замокъ! сказалъ Щелкунчикъ.

Мари совсѣмъ залюбовалась волшебнымъ дворцомъ, однако замѣтила, что на одной большой башнѣ не было крыши. Ее окружали лѣса изъ палочекъ корицы; на нихъ стояли маленькіе человѣчки и, повидимому, строили ее вновь.

Не дожидаясь вопроса Мари, Щелкунчикъ сказалъ:

— Недавно этому прекрасному замку грозило жестокое опустошеніе, если не полное разрушеніе. Великанъ Лакомка, проходя мимо, быстро откусилъ крышу у одной изъ башенъ и началъ грызть большой куполъ. Тогда жители Конфектобурга принесли ему въ дань цѣлую четверть города и значительную часть рощи Варенья. Онъ пресытился и пошелъ дальше.

Въ эту минуту раздалась очень пріятная, тихая музыка. Ворота замка растворились, и изъ нихъ вышли двѣнадцать маленькихъ пажей съ зажженными факелами въ рукахъ; ихъ головы были изъ большихъ жемчужинъ, тѣла изъ рубиновъ и изумрудовъ, а золотыя ножки, которыми они переступали, отличались самой тонкой работой. За ними шли четыре дамы почти одного роста съ Кларой.

Мари сразу догадалась, что видитъ передъ собой принцессъ, такъ великолѣпно онѣ были одѣты. Принцессы нѣжно обняли Щелкунчика и воскликнули съ чувствомъ:

— О, принцъ! о, дорогой принцъ и братъ!

Щелкунчикъ, казалось, былъ очень тронутъ. Онъ вытеръ навернувшіеся на глаза слезы, схватилъ Мари за руку и сказалъ торжественно.

— Вотъ, Мари Штальбаумъ, дочь почтеннаго доктора и спасительница моей жизни! Она бросила туфлю въ роковую минуту, она добыла мнѣ саблю отставного полковника; о, еслибъ не она, я лежалъ бы теперь въ могилѣ, загрызенный проклятымъ мышинымъ

королемъ. О, можетъ-ли Пирлипатъ, эта принцесса крови, сравняться съ Мари Штальбаумъ по красотѣ, добротѣ и добродѣтели? Нѣтъ, говорю я, нѣтъ!

Всѣ принцессы повторили „нѣтъ“, бросились на шею къ Мари и воскликнули, рыдая:

— О, спасительница нашего любимаго, августѣйшаго брата, безцѣнная Мари!

Потомъ онѣ повели Мари и Щелкунчика во внутренность замка. Стѣны залы, въ которую они вошли, были сложены изъ разноцвѣтныхъ, сверкающихъ кристалловъ. Въ ней были разставлены очаровательные, маленькіе стульчики, комоды, письменные столики и другая мебель, вся изъ кедроваго дерева, украшенная золотыми цвѣточками.

Принцессы усадили Мари и Щелкунчика и сказали, что сами приготовятъ имъ угощеніе. Онѣ принесли множество маленькой посуды изъ тонкаго японскаго фарфора и различную кухонную утварь, ложки, ножи, вилки, терки, кастрюльки и многое другое, все изъ золота и серебра. Потомъ принцессы взяли самые лучшіе фрукты и сласти, какихъ Мари еще никогда не видала, и принялись хозяйничать своими бѣлоснѣжными ручками. Онѣ очень мило выжимали сокъ изъ фруктовъ, толкли пряности, терли миндаль.

Мари видѣла, что ее ждетъ роскошное угощеніе и что принцессы прекрасно знакомы съ поваренымъ искусствомъ; ей захотѣлось поучиться у нихъ и она втайнѣ желала принять участіе въ занятіи принцессъ.

Какъ бы угадывая ея мысли, самая хорошенькая изъ сестеръ Щелкунчика протянула ей маленькую золотую ступку и сказала:

— О, дорогая спасительница моего брата, натолките, пожалуйста, немного леденца.

Мари охотно стала толочь въ ступкѣ, которая зазвучала такъ мило и пріятно, точно запѣла хорошенькую пѣсенку.

Между тѣмъ Щелкунчикъ началъ подробно разсказывать о своей битвѣ съ полчищами мышинаго короля; о томъ, какъ онъ потерпѣлъ пораженіе, благодаря трусости своихъ войскъ, какъ отвратительный мышиный король собирался загрызть его, какъ Мари должна была пожертвовать многими изъ его подданныхъ, которые были у ней на службѣ, и т. д.

Во время этого разсказа Мари казалось, что его слова и звуки ступки становились все болѣе и болѣе неясными, точно доносились издалека. Вскорѣ тонкій, серебристый туманъ, постепенно поднимаясь, окуталъ принцессъ, пажей, Щелкунчика и ее самое. Ей послышалось странное пѣніе, шелестъ и журчанье, которое замерло гдѣ-то вдали. Вдругъ Мари почувствовала, что она поднимается, точно на вздымающихся волнахъ и поднимается все выше и выше, все выше и выше, все выше и выше...

Заключеніе.

Вдругъ раздалось—трррръ, бухъ—и Мари упала внизъ съ неимовѣрной высоты. То-то былъ толчекъ! Въ ту же минуту она открыла глаза. Былъ ясный день; она лежала въ своей кроваткѣ, а мать стояла передъ ней и говорила:

— Какъ можно такъ долго спать, завтракъ давно поданъ.

Вы, конечно, смѣкаете, почтенные слушатели, что Мари, ошеломленная всѣми чудесами, которыя она видѣла, заснула въ залѣ сахарнаго замка. Тогда мавры или пажи, а можетъ быть и сами принцессы отнесли ее домой и уложили въ постельку.

— О, мама, милая мама, если бы ты знала, куда водилъ меня нынѣшней ночью молодой Дроссельмейеръ, и какія чудеса я видѣла!

Тутъ она разсказала обо всемъ почти такъ же подробно, какъ это сдѣлалъ только что я.

Мать смотрѣла на Мари съ удивленіемъ, а когда она кончила, сказала:

— Ты видѣла длинный, прекрасный сонъ, милая Мари, но теперь выкинь все это изъ головы.

Мари настойчиво утверждала, что она видѣла все это не во снѣ, а на яву.

Тогда мать подвела ее къ стеклянному шкапу, взяла Щелкунчика, который, какъ и всегда, стоялъ на второй полкѣ, и сказала:

— Какъ можешь ты думать, глупенькая дѣвочка, что эта деревянная куколка изъ Нюренберга можетъ жить и двигаться?

— Ахъ, милая мама, я очень хорошо знаю, что мой Щелкунчикъ никто иной, какъ молодой Дроссельмейеръ изъ Нюренберга, племянникъ крестнаго Дроссельмейера.

Мать и отецъ оба разразились громкимъ хохотомъ.

— Ахъ, милый папа, воскликнула Мари почти со слезами,—ты смѣешься надъ моимъ Щелкунчикомъ, между тѣмъ онъ отозвался о тебѣ очень хорошо. Когда мы пришли въ сахарный замокъ, онъ сказалъ, представляя меня своимъ сестрамъ-принцессамъ, что ты почтенный человѣкъ.

Тутъ раздался новый, еще болѣе громкій взрывъ смѣха, къ которому присоединились и Луиза съ Фрицемъ.

Мари побѣжала въ другую комнату, вынула изъ ящичка семь коронокъ мышинаго короля и подала ихъ матери говоря:

— Посмотри, милая мама, вотъ семь коронокъ мышинаго короля, которыя молодой Дроссельмейеръ поднесъ мнѣ въ знакъ побѣды прошлою ночью.

Мать съ удивленіемъ разсматривала маленькія коронки изъ неизвѣстнаго, очень блестящаго металла. Онѣ были такой тонкой работы, какую, казалось, не могли выполнить человѣческія руки. Отецъ тоже любовался прелестными вещицами. Затѣмъ они оба съ матерью начали очень серіозно требовать отъ Мари,

чтобы она призналась, гдѣ взяла коронки. Мари могла только повторить то, что уже разсказывала раньше.

Тогда отецъ строго обратился къ ней и даже назвалъ ее маленькой лгуньей.

Мари горько заплакала.

— Ахъ, я, несчастная дѣвочка, жалобно сказала она,—что же мнѣ сказать?

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошелъ судья Дроссельмейеръ.

— Что это значитъ, воскликнулъ онъ,—что это значитъ? Моя крестница Мари плачетъ и рыдаетъ! что это значитъ?

Отецъ разсказалъ ему обо всемъ и показалъ коронки. Взглянувши на нихъ, судья громко расхохотался и воскликнулъ:

— Что за галиматья, что за галиматья! Это коронки, которыя я носилъ на своей цѣпочкѣ отъ часовъ много лѣтъ тому назадъ. Я подарилъ ихъ маленькой Мари въ день ея рожденья, когда ей минуло два года. Развѣ вы забыли объ этомъ?

Ни отецъ, ни мать не могли припомнить ничего подобнаго.

Когда Мари замѣтила, что лица родителей сдѣлались опять ласковыми, она подбѣжала къ судьѣ и сказала:

— Ты все знаешь, крестный Дроссельмейеръ, такъ скажи самъ, что мой Щелкунчикъ твой племянникъ, молодой Дроссельмейеръ изъ Нюренберга, и что онъ подарилъ мнѣ коронки.

Лицо судьи сдѣлалось очень мрачно и онъ пробормоталъ:

— Галиматья!

Отецъ взялъ маленькую Мари за руку, поставилъ ее прямо передъ собой и сказалъ очень серіозно:

— Послушай, Мари, оставь всѣ эти выдумки и шутки; если ты еще разъ скажешь, что глупый, уродливый Щелкунчикъ племянникъ твоего крестнаго отца, я выкину за окно не только Щелкунчика, но и всѣхъ остальныхъ твоихъ куколъ, въ томъ числѣ и Клару.

Разумѣется, бѣдная Мари не смѣла больше говорить о томъ, чѣмъ по прежнему были заняты всѣ ея мысли. Забыть о тѣхъ чудесахъ, какія она видѣла, Мари, конечно, не могла. Даже Фрицъ поворачивалъ сестрѣ спину каждый разъ, какъ она собиралась разсказывать ему о волшебномъ государствѣ, гдѣ она была такъ счастлива. Говорятъ, будто онъ иной разъ бормоталъ сквозь зубы: „глупая дѣвчонка“, но я съ трудомъ могу допустить это, зная его добрый характеръ. Несомнѣнно только то, что онъ не вѣрилъ больше никакимъ разсказамъ Мари, а потому поспѣшилъ возстановить честь своихъ гусаръ на первомъ же парадѣ. Онъ снова позволилъ имъ трубить гусарскій маршъ, а вмѣсто утраченнаго военнаго значка прикрѣпилъ къ ихъ шапкамъ новые, высокіе султаны изъ гусиныхъ перьевъ.

Ну-съ, а мы кое-что знаемъ о томъ, какова оказалась храбрость гусаръ, когда на ихъ красныхъ курточкахъ показались пятна отъ противныхъ пуль!

Мари не смѣла больше говорить о своемъ приключеніи, но образы чудеснаго, волшебнаго царства окружали ее; ей слышался то тихій шелестъ, то нѣжный, пріятный звонъ. Она такъ и видѣла все вновь передъ собой, какъ только вспоминала объ этомъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы играть, какъ бывало прежде, она часто тихо и смирно сидѣла на одномъ мѣстѣ, углубившись въ мечты. За это всѣ дразнили ее маленькой мечтательницей.

Однажды, судья чинилъ какіе-то часы въ домѣ Штальбаумовъ. Мари задумчиво сидѣла у стекляннаго шкапа и смотрѣла на Щелкунчика; вдругъ у нея невольно вырвались слѣдующія слова:

— Ахъ, милый Щелкунчикъ, если бы вы дѣйствительно жили на свѣтѣ, я не поступила бы съ вами такъ, какъ принцесса Пирлипатъ, я не отвергла бы васъ, если бы вы ради меня перестали быть прекраснымъ молодымъ человѣкомъ!

Въ эту минуту судья закричалъ:

— Ха, ха, ха—галиматья!

А въ комнатѣ поднялась такая трескотня и стукотня, что Мари безъ чувствъ упала на полъ. Когда она очнулась, мать была около нея.

— Можно-ли падать со стула такой большой дѣвочкѣ, какъ ты, сказала она,—къ намъ пріѣхалъ племянникъ крестнаго Дроссельмейера изъ Нюренберга. Будь умницей!

Мари оглянулась.

Судья въ стекляномъ парикѣ и желтомъ кафтанѣ улыбался съ довольнымъ видомъ, держа за руку очень

маленькаго, но стройнаго молодого человѣка съ румянымъ личикомъ. Великолѣпный красный кафтанъ, ши-

тый золотомъ, бѣлые шелковые чулки и башмаки составляли его нарядъ; очаровательный букетикъ цвѣтовъ украшалъ жабо; шпага на боку сверкала точно сдѣланная изъ драгоцѣнныхъ камней. Онъ держалъ подъ мышкой шляпу изъ самаго тонкаго шелка, а его волосы были очень изящно завиты, напудрены и заплетены въ прекрасную косу, которая висѣла сзади. Молодой человѣкъ былъ такъ любезенъ, что поднесъ Мари множество великолѣпныхъ игрушекъ, а главное пропасть вкуснаго обсахареннаго миндаля и совершенно такія же сахарныя фигурки, какія изгрызъ мышиный король. Фрицу онъ подарилъ прекрасную саблю. За столомъ любезный молодой человѣкъ щелкалъ орѣхи для всего общества. Самые твердые были ему нипо-

чемъ. Онъ клалъ орѣхъ въ ротъ правой рукой, лѣвой дергалъ за косу и—кракъ, кракъ—скорлупа разлеталась вдребезги.

Мари, покраснѣвшая какъ макъ при видѣ красиваго молодого человѣка, стала еще краснѣе, когда послѣ обѣда онъ пригласилъ ее пройти съ нимъ въ гостиную.

— Хорошенько играйте вмѣстѣ, дѣти, крикнулъ имъ судья,—всѣ мои часы хорошо идутъ, поэтому я ничего противъ этого не имѣю.

Какъ только молодой Дроссельмейеръ остался вдвоемъ съ Мари, онъ опустился передъ ней на одно колѣно и сказалъ:

— О, безцѣнная Мари, здѣсь, у вашихъ ногъ, вы видите счастливаго Дроссельмейера, которому вы спасли жизнь на этомъ самомъ мѣстѣ. Вы великодушно сказали, что не отвергли бы меня, какъ злая принцесса Пирлипатъ, если бы я сдѣлался безобразенъ ради васъ. Въ ту же минуту я пересталъ быть презрѣннымъ Щелкунчикомъ и получилъ мой прежній, не совсѣмъ непріятный образъ. О, дорогая Мари, осчастливьте меня вашей драгоцѣнной рукой. Раздѣлите со мною царство и

корону. Вступите какъ королева въ мой сахарный замокъ.

Мари подняла юношу и тихо сказала:

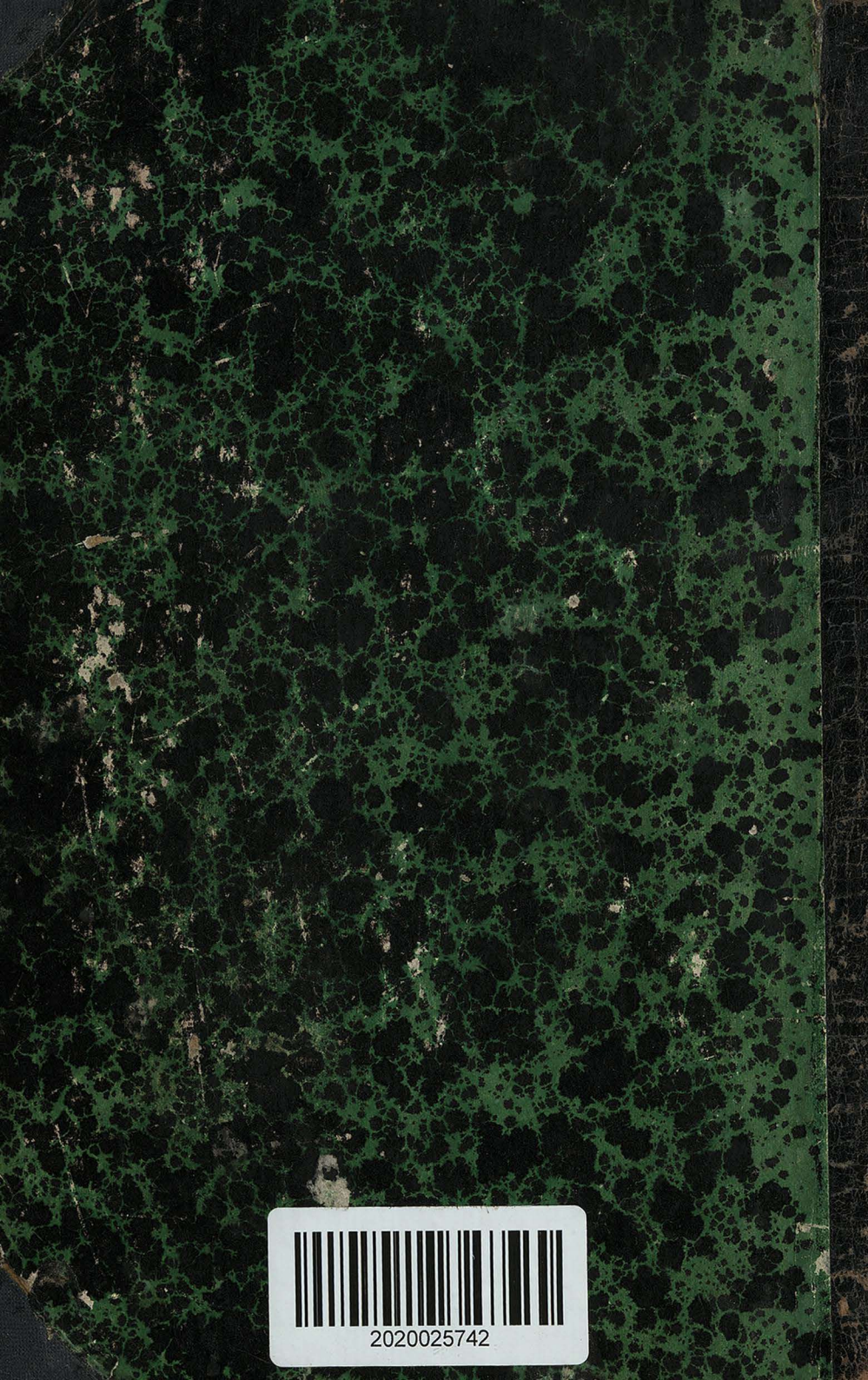
— Милый Дроссельмейеръ, вы славный, добрый человѣкъ; ваша страна прелестна, а ея жители хорошенькіе, веселые люди, поэтому я охотно назову васъ своимъ женихомъ.

Мари тутъ же была объявлена невѣстой молодого Дроссельмейера. Говорятъ, что черезъ годъ онъ увезъ ее въ золотой каретѣ, запряженной серебряными лошадьми. На свадьбѣ танцовали двадцать двѣ тысячи куколъ, украшенныхъ жемчугомъ и брилліантами.

Въ настоящее время Мари царствуетъ въ странѣ со сверкающими рождественскими лѣсами, съ прозрачными сахарными замками, однимъ словомъ въ странѣ, полной великолѣпія и чудесъ. Такая страна есть, нужно только имѣть особые глаза, чтобы ее видѣть!

Такова сказка о Щелкунчикѣ и мышиномъ королѣ.

S 36
617


2020025742